

СЕРГЕЙ
ОСИПОВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

НОЧНАЯ ОХОТНИЦА

Сергей Осипов

Ночная охотница

Серия «Сны в высокой башне», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158693

Ночная охотница: Эксмо; М.; 2007

ISBN 978-5-699-21994-0

Аннотация

Древние расы непрерывно плетут хитроумные интриги и ведут бесконечную невидимую войну за власть над миром. И в центре непрекращающейся борьбы магов вновь и вновь оказывается Настя Колесникова – бывшая студентка и бывший агент загадочных спецслужб. Она возвращается в Россию, чтобы спасти своего жениха Дениса Андерсона из лап свирепых Горгон, за которыми стоят гораздо более зловещие и могущественные фигуры...

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	9
ИНТЕРЛЮДИЯ НОМЕР ОДИН	92
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	124
Конец ознакомительного фрагмента.	153

Сергей Осипов

Ночная охотница

...и тогда я расскажу вам про Лионею. Про страну, которую на карте можно закрыть ногтем и которая в реальности похожа на небольшой музей под открытым небом; музей в выходной день, когда там нет разинувших рты посетителей, а есть только редкие тени служащих. Я расскажу вам про Лионею, ее дворцы, ее улицы, ее неяркое солнце, ее тишину, которая сродни тишине в библиотечном зале. И про пустую башню отеля «Оверлук», которая торчит посреди Лионеи как навсегда потухший маяк. Да, я обязательно расскажу вам про Лионею. Только позже, ладно?

Сначала я расскажу, как правильно убить лешего. И не говорите, что вам это в жизни не пригодится. Никогда не знаешь наверняка, что пригодится, а что нет.

Значит, так. Мы отъехали километров сто пятьдесят от города, причем последнюю треть пути проделали уже не по асфальту, а по петляющей меж сосен колее; в конце концов мы заехали в такое место, где не было видно опор линий электропередачи и где мобильник стал нем как рыба. Наверное, такие места и называются глушью.

Так вот, о методе. Надо оставить машину и дальше идти пешком, пока надежная смесь пота и усталости не свяжет вас по рукам и ногам лучше любого цемента. И вот вы

стоите на открытом месте, на поляне или на опушке леса. Просто стоите, ничего не делаете, пытаетесь отдышаться. Слышите звуки леса, которых вы не понимаете, а потому слегка побаиваетесь. Стоять придется недолго, минут пятнадцать от силы. Лично я простояла двенадцать минут.

И я не услышала, как появился он.

– Курить не будет?

Я вздрогнула – по-настоящему, не притворно – и повернулась, уже заранее зная, что увижу низкорослого широкоплечего мужчину в грязных сапогах, ватнике и защитного цвета штанах. И в шерстяной шапочке неопределенного цвета.

– Нет, не курю, – сказала я.

Мужчина скорчил недовольную гримасу и почесался. Потом повертел головой по сторонам и пошмыгал крупным носом. Я поправила лямки рюкзака и сделала два мелких шажка в сторону.

– Ту...рист? – хрипло произнес он.

Я кивнула. Он тоже кивнул, и словно по инерции его голова покачивалась еще несколько секунд, а сам он стоял неподвижно, чуть ссутулившись и скрестив руки на груди, засунув кисти под мышки ватника. Потому что кисти бы его однозначно выдали.

Самым трудным было повернуться к нему спиной. Я сказала:

– Ну, я пошла...

– Да, – сказал он, глядя куда-то в землю. Я повернулась к нему спиной и пошла, считая про себя шаги: раз, два, три...

Четыре...

На счет пять он не выдержал и прыгнул. Я не услышала звука прыжка, я почувствовала движение воздуха. И запах, о да, запах.

Леший опустил голову и недовольно посмотрел на нож, пробивший ватник и воткнувшийся ему в грудь. Мы стояли едва ли не прижавшись друг к другу, а нож был тем атрибутом, что делал наш контакт весьма откровенным и довольно кровавым.

Ах да, небольшое замечание. Если вас это может утешить, то знайте: леший, как правило, собирается убить вас не ради еды. Его больше интересует содержимое вашего рюкзака или сумки. Лешие обитают в таких местах, где супермаркетов днем с огнем не найдешь, поэтому леших интересует буквально всё. Всё, что они могут найти в вещах покойника. Покойник, на минуточку, это вы. Почему вы покойник? Потому что плохо меня слушаете. Нож, пробивший ватник и воткнувшийся ему в грудь? Не смешите меня.

Дело в том, что кожа – а точнее шкура – у леших довольно толстая, так что пробить ее и достать ножом до внутренних органов, даже если леший сам прыгает на этот нож и даже если держишь этот нож обеими руками, – задача не из простых. Короче говоря, у меня не получилось. Опять.

Леший махнул когтистой лапой, и мы разлетелись в разные стороны: я, он, нож. Наши интимно-кровавый контакт был разорван, и теперь все становилось совсем простым.

Леший принюхался к собственному изменившемуся запаху, поморщился по поводу раны на груди и лениво побрел в мою сторону. Он больше не прятал свои лапы, и они болтались вдоль его тела; когти почти скребли землю. Теперь, когда лесной хозяин окончательно принял решение, он действовал очень уверенно, потому что знал – мне от него не убежать.

Я и не собиралась. Я снова считала до пяти, но это уже был совсем иной отсчет.

Раз – это разошлась «молния» на куртке.

Два – это рука легла на рукоять.

Три – это ствол направляется на лешего.

Четыре – палец давит на спуск.

Пять – первая пуля рвет лешего.

Где-то на временной отметке «четыре с половиной» широко раскрывшиеся глаза лешего встречаются с моими. Хочется верить, что он видит в моих зрачках холодную уверенность. Я, в свою очередь, вижу, как живой огонь в его зрачках тускнеет и становится обреченностью жертвы, у которой нет ни малейшего шанса. Леший понимает, что люди снова берут верх.

Я нажимаю на курок три раза. Этого вполне достаточно для лешего стандартной комплектации. Четвертый выстрел

нужен сугубо для ритуала, он должен быть исполнен из уважения к культуре расы лесных жителей. Четвертым выстрелом делается отверстие в черепе, и через это отверстие душа покойника сможет выбраться наружу и соединиться с душами предков. Убить лешего и не проделать дыры в его черепе – проявить неуважение ко всей расе. Оглянуться не успеешь, как по пятам за тобой увяжется дюжина местных леших, одержимых кровной мстью.

Поэтому никогда не стоит пренебрегать этим несложным обрядом. Всего лишь один выстрел – зато ваша репутация останется безупречной.

Хоронить лешего не стоит, даже из лучших побуждений. У покойного наверняка есть родственники, а у родственников наверняка есть свои виды на тело. Я имею в виду поминальную трапезу. Где главным блюдом как раз будет правильно приготовленное тело покойного. Не знали? Противно? А как насчет некоторого уважения к культурным традициям древней расы? Просто представьте, как лешие, в свою очередь, относятся к человеческой традиции скармливать своих покойников червям.

Поэтому мой вам совет – перезарядите оружие и побыстрее унесите ноги. В следующий раз я расскажу вам, как довести гнома до нервного срыва и что не следует дарить вампиру на день рождения.

Но это будет в следующий раз. А сейчас я расскажу вам про Лионею.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОБЛАКА НАД ЛИОНЕЕЙ, ИЛИ КАНИКУЛЫ УБИЙЦЫ

1

Под крыльями самолета были облака, и ничего, кроме облаков. Это немного смущало Настю, которая до сегодняшнего дня пользовалась исключительно наземным транспортом, так что идея висеть в воздухе внутри металлической банки казалась ей довольно сомнительной, даже с учетом ободряющих взглядов Смайли и улыбок стюардесс. Облака решительно не внушали ей доверия. Она попыталась представить их чем-то более привычным и безопасным, например... например взбитыми сливками. Однако при ближайшем рассмотрении идея скользить по гигантским холмам из взбитых сливок на высоте десяти тысячи метров над поверхностью земли оказалась ничуть не лучше, она была даже хуже, потому что в голове Насти немедленно возник вопрос – откуда же здесь взялось столько взбитых сливок? При всей глупости этого вопроса ответ явно находился в категории сверхъесте-

ственного, а Настин опыт общения со сверхъестественным был не из приятных. Так что она перестала думать о взбитых сливках, перестала думать об облаках, перестала вообще смотреть в иллюминатор и решила почитать что-нибудь успокоительное. Например, листок о правилах использования спасательного жилета и кислородной маски.

Смайли осторожно выдернул у нее из рук это занимательное чтение.

– Лучше посмотри вот это.

Настя покорно взяла многостраничный цветной буклет, который поначалу приняла за каталог товаров беспощинной торговли, но потом увидела, что на глянцевых страницах вместо изображений товаров напечатаны фотографии каких-то зданий и парков. Она снова посмотрела на обложку и поняла, что разглядывает альбом с видами Лионеи, а ее саму в это время разглядывает Смайли. Настя вздохнула и стала медленно перелистывать страницы, скользя взглядом по картинкам, но не задерживаясь ни на одной из них. При точном соблюдении расписания полетов меньше чем через два часа их самолету предстояло коснуться посадочной полосы лионеиского аэропорта, и тогда эти картинки должны будут обрести объем, фактуру и запах, то есть они должны будут стать для Насти самой что ни на есть реальностью.

Тем не менее Настя в них не верила. Это было ненарочно. Это не содержало злого умысла. Это было инстинктивное стремление сделать так, чтобы сплетающаяся вокруг нее

новая реальность сплеталась чуть помедленнее; это было стремление слегка уменьшить поток информации, который мог запросто унести Настю в открытое море чистого безумия.

По большому счету, Настя уже и не сопротивлялась, не пыталась забаррикадироваться фразами о том, что этого не может быть, потому что этого не может быть никогда. Виденного и слышанного за последние месяцы было достаточно, чтобы навсегда убрать такие слова из ее лексикона. Теперь она просто старалась запоминать, но запоминать нужно было так много, что иногда у нее развивалась своего рода информационная передозировка. И тогда, глядя на подброшенные Смайли книги или фотографии, Настя безразлично листала страницы, и ее разум скользил над этими текстами и иллюстрациями столь же бесконтактно, как тень самолета скользила по распухшим облакам.

Смайли ничего не говорил в таких случаях. Он просто смотрел и ждал, когда все снова придет в норму. Неизвестно, сколько ему пришлось ждать в этот раз, но в конце концов он деликатно тронул Настю за плечо и спросил:

– Волнуешься?

Настя недовольно заворочалась в кресле:

– Вообще-то я спала, если вы не заметили.

– Заметил.

– Тогда как я могу волноваться, если я сплю? И вообще, с какой стати мне нужно начинать волноваться... То есть я,

конечно, волнуясь время от времени, но почему именно сейчас... О... – Настя посмотрела в иллюминатор и все поняла.

– Подлетаем, – пояснил Смайли. – И я хочу, чтобы ты посмотрела вот это...

Он положил себе на колени кейс – тот самый кейс, – раскрыл его и вытащил тонкую папку. Настя не удержалась и скосила взгляд в сторону Смайли, стараясь разглядеть в содержимом кейса продолговатый конверт без указания отправителя и получателя. Конверт, из-за которого она и Смайли болтались где-то в небе над Западной Европой, пока пилот отыскивал зажатый между Швейцарией и Францией крошечный кусочек территории, именовавшийся герцогством Лионейским.

– Король Утер, – сказал Смайли. – Он же герцог Лионейский, он же граф Авалонский, он же Защитник человечества, он же еще много кто...

Настя посмотрела на фотографии. Они не вызвали в ней никаких эмоций.

– ...и в частности, отец Дениса Андерсона, – закончил фразу Смайли.

– Я помню, – сказала Настя и еще раз посмотрела на снимки, но ничто в лице этого пожилого мужчины не напомнило ей Дениса. Она снова почувствовала свою удаленность от изображенных на фотографиях людей, как будто они были портретами давно почивших исторических деятелей. Что еще хуже, когда Смайли произнес имя Дениса Андерсона, то

Настя восприняла его точно так же – чье-то имя, еще одно среди многих других имен, которые ей предстоит запомнить. Это уж было совсем неправильно, Настя это понимала, но пока ничего не могла с этим поделать. Наверное, это относилось к последствиям авиаперелета, и оставалось надеяться, что на земле Денис снова превратится в боль ее сердца, в незаживающий рубец на Настиной памяти...

То есть станет настоящим. Снова.

– Амбер Андерсон, – сказал Смайли, подсовывая новую порцию фотоснимков. – Дочь короля Утера и, соответственно, сестра Дениса. В аэропорту, скорее всего, встречать нас будет именно она.

– Он не говорил, что у него есть сестра, – пробормотала Настя. Снимки Амбер она разглядывала даже более пристально, не столько ища фамильное сходство, сколько с завистью оценивая ухоженность молодой женщины, которая действительно выглядела как дочь короля, то есть – безусловно. Некоторые фотографии относились к категории «светская жизнь», и сестра Дениса блистала там в таких платьях, что Насте стало как-то не по себе. Она вдруг поняла, что именно такие женщины и именно такая роскошь окружали Дениса с самого момента рождения, и мир должен был перевернуться с ног на голову, чтобы Денис Андерсон связался с некоей плебейкой по имени Настя, у которой, на минуточку, и платья-то вечернего ни одного нет. С одной стороны, можно было гордиться собственной персоной, перевернув-

шей прогнивший феодальный уклад этой самой Лионеи... С другой стороны, у Насти родилось смутное предчувствие, что за такое переворачивание ей вскоре всыпят по первое число.

Пытаясь отвлечься от этих мыслей, Настя снова принялась разглядывать наряды Амбер Андерсон и пришла к выводу, что для этой девушки бриллианты – не просто лучшие друзья, тут, пожалуй, имеют место более тесные и страстные взаимоотношения. Настя вздохнула, взяла другой снимок и снова вздохнула...

Погрузившись в это занятие, она пропустила мимо ушей какую-то часть пояснений Смайли и спохватилась уже на словах:

– ...ее присутствие более уместно.

– Чего?

Смайли терпеливо повторил все сначала:

– Поскольку тебе еще не придан официальный статус, встречать тебя будет Амбер. А вообще, в таких случаях предполагается присутствовать первому рыцарю короля, иначе говоря, шефу королевской администрации...

– В каких – таких случаях? Какой там еще мне статус не придан?

– Официальный статус невесты наследника престола.

Настя внимательно посмотрела на Смайли и не увидела в его лице ни признаков умственного расстройства, ни сопутствующей розыгрышу кривой ухмылки. Гном был серьезен

и ожидал такой же реакции от Насти.

– Невесты? – на всякий случай переспросила Настя.

– Именно.

– Они там не слишком торопятся, а?

– В каком смысле?

– У нас с Денисом, конечно, были, скажем так, отношения, но про женитьбу разговора не было. Тем более самого Дениса сейчас здесь нет и неизвестно, где он и что с ним.

– Именно потому что с Денисом все получилось так... – Смайли замолчал, подбирая подходящее слово. – Так сложно... Королевская семья хочет зафиксировать ваши отношения. По крайней мере, король хочет.

– Я польщена, но... Все это странно. И неправильно.

– Странно? Пожалуй, – согласился Смайли. – Кто бы мог подумать, что невестой Дениса станет студентка из России, а найдем мы ее в тихом вампирском городке? Но странно – это не всегда неправильно.

– Я кожей чувствую, как это все неправильно...

– Именно сейчас? – Смайли иронично скривил угол рта. – А все, что с тобой происходило начиная с прошлой осени, – это казалось тебе правильным?

Крыть было нечем. Оставалось признать, что когда с тобой на протяжении долгого времени происходят неправильные вещи, то это значит, что неправильность не в вещах, а в тебе самой. Мир, принимая твою неправильность, послушно дает трещину, и вот уже ты заходишь в книжный магазин,

чтобы купить учебник к ближайшему экзамену, а в результате оказываешься на борту самолета, выполняющего рейс Москва – Лионея. В качестве почти официальной невесты наследника лионейского престола. В сопровождении начальника королевской службы безопасности, которого зовут Роберт Д. Смайли и который, между прочим, натуральный английский гном.

Кому-то такой поворот событий мог показаться подарком судьбы, но только не Насте. Уж она-то знала, что две эти точки соединены отнюдь не прямой дорогой, вымощенной золотыми кирпичиками. Молочных рек с кисельными берегами по пути тоже не наблюдалось, равно как и принцев на белых лимузинах и рассыпанных под ногами лепестков роз... Путь, который проделала Настя из пункта А в пункт Б, не был похож ни на веселенькую загородную поездку, ни на комфортабельный туристический вояж.

На что же он был похож? Пожалуй, на медленную прогулку неуверенным шагом по темным залам паноптикума, причем многие из экспонатов в этих залах внезапно оказывались живыми. И еще одна важная деталь – вдруг оказалось, что между ними и Настей нет разделительного стекла, поэтому иногда она чувствовала их зловонное дыхание, иногда слышала плотоядное причмокивание, а иногда ощущала тяжелое прикосновение грубой и явно нечеловеческой лапы.

А иногда она чувствовала их острые зубы.

И все же она разволновалась в те последние минуты перед посадкой, но вовсе не из страха, что шасси отвалятся и самолет пузом грохнется на летное поле. Она боялась увидеть, как Лионея из набора картинок превращается в реальность, как люди с фотографий обретают плоть и кровь, как они становятся частью ее, Настиной, жизни и, в свою очередь, хотят затащить Настю в лионейские глянцевые пейзажи... Она схватила наушники и прибавила громкость, чтобы музыка заглушила всё, и пульсацию страха в Настиной крови тоже.

Потом музыка пропала, и в наушниках возник голос стюардессы, которая на трех языках сообщила, что самолет совершил посадку, что температура за бортом...

– Всё, – сказал Смайли, снимая наушники с ее головы. – Мы дома.

Наверное, на Настином лице не читалось особого восторга, поэтому Смайли добавил:

– И нас ждут. Давай проявим вежливость, ладно?

– Я не хочу, – пробормотала Настя. Это касалось не предложения проявить вежливость, это касалось фразы Смайли насчет того, что «*мы дома*». Настя пока не чувствовала себя этим *мы* и не представляла, что Лионея может когда-нибудь стать ее *домом*. Она не хотела такого дома, но – маленькая

проблема – другого дома у нее сейчас не было.

Тем не менее она проявила вежливость, в той степени в какой это было возможно, а возможно было лишь изобразить робкую улыбку, в то время как Настины руки неосознанно сплелись на груди в защитном жесте. Но и эта малость оказалась излишней, потому что стоявшая неподалеку от трапа Амбер Андерсон не ожидала от нее никакой вежливости и, соответственно, ничего не предлагала взамен. Насте достался прохладный скользкий взгляд и сдержанное движение подбородком, после чего Амбер шагнула навстречу Смайли и спросила по-английски:

– Роберт, ты привез письмо?

– Да, – сказал Смайли и сделал жест в сторону Насти, пытаясь провести что-то вроде официального знакомства, но Амбер выказала полное отсутствие интереса к этой процедуре. Она положила руку на плечо Смайли и стала что-то негромко говорить ему, отчего устремленное кверху лицо Смайли становилось все более хмурым. Настя даже не пыталась вмешаться в их разговор или напомнить о себе, она просто стояла и ждала, чем все это кончится.

Кончилось тем, что Амбер и Смайли, не переставая разговаривать и шаг за шагом удаляясь от Насти, вплотную подошли к черному микроавтобусу, и там, когда уже отъехала дверца и Амбер поставила ногу на подножку, Смайли наконец спохватился и показал в сторону Насти. Она не слышала, что именно сказал Смайли, зато ответ Амбер был доста-

точно громким и ясным:

– Зачем ты привез ее с собой?

Настя резко отвернулась от них, испытывая сильное желание подняться в самолет, забиться в конец салона и ждать, пока ее не увезут отсюда. Но на пути между нею и трапом оказался Армандо, и Настя едва не врезалась носом ему в подбородок.

– Извини, – пробормотала она и услышала за своей спиной звук работающего двигателя. Микроавтобус тронулся с места.

– Отлично, – сказала сама себе Настя. – Просто замечательно. И в самом деле, зачем он привез меня с собой? Чтобы королевской семье было кого ненавидеть, кого обвинять в исчезновении наследника?

Армандо вместо ответа показал на ожидающую их машину.

– И все-таки, – Настя посмотрела на него в упор. – Какого черта я тут делаю, а? Мне тут совсем не рады, я уже поняла. Эта Амбер...

– Очень расстроена, – произнес Армандо. – Потом ты увидишь, что она не такая уж и плохая женщина...

– Надеюсь дожить до этого дня.

Настя двинулась было к машине, как вдруг позади раздалось недовольное:

– Это куда же вы меня привезли?!

Настя обернулась. По трапу спускался Иннокентий, точ-

нее одна из стюардесс помогала ему сохранять равновесие при спуске, а сам Иннокентий озадаченно оглядывался по сторонам и безостановочно брюзжал. Настя непонятно почему улыбнулась. Иннокентия было сложно назвать другом, его сложно было назвать человеком, но почему-то здесь и сейчас Настя восприняла его появление как приятную неожиданность.

– Ты разве был в самолете? – спросила она. – Я тебя там не видела...

Иннокентий изуродованной кистью убрал с лица растрепанные седые волосы и подмигнул Насте:

– Можешь считать, что я летел *за* самолетом. Знаешь, когда-то... – По мере того как губы Иннокентия произносили эти слова, взгляд его становился все более озабоченным. – Когда-то... – повторил он уже безо всякой иронии, скорее растерянно. – И все-таки, куда же это меня привезли? – спросил Иннокентий не Настю, а самого себя, потом обнаружил рядом миловидную стюардессу и так широко ей заулыбался, как будто все опасения и вопросы нашли немедленное и счастливое разрешение. Иннокентий был пьян примерно в той же степени, что и во время памятной встречи в «Трех сестрах».

– Это Лионея, – сообщила ему Настя, но Иннокентий пропустил сообщение мимо ушей, ведя разговор то ли с самим собой, то ли со стюардессой:

– Одно могу тебе сказать, Тотошка, мы с тобой явно не в

Канзасе, и слава богу, потому что...

Внезапно Иннокентий пропал, то есть не совсем пропал, а превратился в грохочущую лавину, которая пронеслась остаток пути по трапу за долю секунды и трансформировалась затем в неподвижное тело на летном поле. Настя непроизвольно хихикнула, а затем сделала серьезное лицо. Лицо же стюардессы было не просто серьезным, оно было белым от ужаса, из чего можно было сделать вывод: девушке не объяснили, что такое Иннокентий и почему волноваться о его здоровье – занятие совершенно бесполезное. Пережив первоначальный шок, стюардесса завопила на трех языках одновременно. Армандо посоветовал ей не волноваться, стюардесса посмотрела на него как на сумасшедшего, но секунду спустя она с еще более ошарашенным видом смотрела на Иннокентия, который с недовольным кряхтением поднимался на ноги. Самое забавное, что от падения у Иннокентия, видимо, прояснилось в голове, потому что он не стал продолжать свой диалог с воображаемым Тотошкой, а спросил у Насти:

– Лионея?

Она кивнула.

– Ну и какой в этом смысл? – сказал Иннокентий, одергивая полы грязного плаща. – Голова здесь болит точно так же, как в Москве, а в Москве так же, как в Старых Пряниках... Зачем Смайли притащил меня сюда?

– Спросишь у него, когда увидишь. Он уже уехал вместе с Амбер Андерсон...

– Амбер Андерсон? Она тоже тут? Ах да, это же Лионея... – Он посмотрел на Настю и улыбнулся. – Ты ведь здесь в первый раз?

Она кивнула.

– Интересное место, рекомендую, – сказал Иннокентий с интонацией агента солидной туристической компании. – Кстати, когда ближайший рейс по маршруту «Отсюда – к чертовой матери»?

Тогда, в свой первый приезд в Лионею, я сразу же отметила эту странную деталь – почти совершенно пустые улицы. Как будто все разом уехали в отпуск. Или как будто на город сбросили нейтронную бомбу. Это было еще тогда, в старое доброе время, а поскольку теперь наступило время новое и не слишком доброе, то город обезлюдел совершенно. Лишь вечером, когда в окнах обитаемых зданий загорается свет, понимаешь, что на самом деле ты не одна. В отеле «Оверлук», к примеру, нас двое – я и Иннокентий. Я на третьем этаже, он – на двадцатом. Я стучу по клавишам ноутбука, пытаюсь зафиксировать отдельные куски своего прошлого, а Иннокентий... Бог его знает, чем он там занимается на двадцатом этаже. Скорее всего смотрит телевизор. Хорошо бы он смотрел какие-нибудь развлекательные программы, потому что, когда его заносит на образовательный канал, с Иннокентием случаются внезапные озарения. Последний раз это было так: я стояла в гостиничном

вестибюле возле автомата с шоколадными батончиками и готовилась сделать свой выбор, как за спиной у меня возник Иннокентий.

– Представляешь, – заговорил он, не тратя времени на «доброе утро» и прочие формальности. – Сегодня ночью по телевизору показывали документальный фильм про одного парня...

– Еще один твой знакомый? – сочувственно отозвалась я. Все истории Иннокентия походили одна на другую. Он смотрел телевизор и вдруг узнал, что один его знакомый...

– Да, мы с ним вместе работали.

– Разве ты когда-нибудь в жизни работал? – искренне удивилась я. – Мне-то казалось...

– Тебе неправильно казалось, – перебил Иннокентий. – В моей жизни есть место всему, и работе в том числе. Так вот, этот парень, он был такой нервный, все переживал, что его подруга ему изменяет...

– Неужели с тобой?

– Ты можешь помолчать?! – взъярился Иннокентий. Похоже, ему действительно не терпелось выложить свою историю, и я послушно замолчала. Ненадолго, правда. – Все переживал, что его подруга ему изменяет... – повторил Иннокентий, как будто я была туповатым учеником, а он – терпящим терпение учителем.

– Подруга не может изменять, – проявила я непрошеную женскую солидарность. – Потому что дружеские отноше-

ния не подразумевают секса, ни моногамного, ни полигамного, никакого. Пример – я не могу тебе изменить, Кеши, потому что не обязана хранить тебе верность.

Пока Иннокентий переваривал мою тираду, я ткнула автомат в нужную кнопку, и тот, капитулируя, выдал мне шоколадный батончик с орехами.

– Не в этом дело, – наконец сказал Иннокентий. – Ну не подруга, ну любовница или невеста... Неважно. Смысл в том, что она ему изменяла, а парень переживал и не знал, что делать. Ходил и ныл – кто виноват, что делать, куда катится мир...

– Дело было в России? – предположила я.

– Может быть, хотя... Не помню.

– Ну и где кульминация твоей истории?

– Кульминация в том, что я ему сказал – ты не виноват, парень. Это всё ваш король – не следит за моралью и нравственностью подданных, сам подает дурной пример, развратничая с актрисами, вот женщины совсем стыд и совесть потеряли...

– И?..

– Знаешь, оказывается, он пошел и убил своего короля, – Иннокентий выглядел по-настоящему потрясенным. – Но я-то просто пошутил, я совсем не это имел в виду, я пошутил...

Я вздохнула.

– Наверное, в следующий раз ты расскажешь, как звал

Иисуса на рыбалку, а он тебя не послушал и пошел в Гефсиманский сад.

– Иисуса? Какого именно?

Самое возмутительное, что Иннокентию удавалось сохранять совершенно серьезное выражение лица.

– Кеша, я все больше понимаю людей, которые заковывали тебя в цепи, запирали в подвал, а потом выбрасывали ключ.

– Нет, не понимаешь. Меня ведь сажали не за мои воспоминания...

– Прости, я забыла. Тебя сажали за похищения девушек. Это совсем другое дело.

– Я всего лишь хотел, чтобы у меня была семья. Как и у всех. Жена, дети...

– Мне тебя жаль, – говорю я, доедая батончик. – И я даже плачу. Но про себя. Сдерживаю рыдания невероятным усилием воли.

Иннокентий кладет мне руку на плечо. Я в удивлении оборачиваюсь и вижу на его лице не грусть и не печаль, а именно скорбь, причем глубинную, основательную и настолько древнюю, что даже непонятно, как с такой скорбью можно жить.

– Ты не понимаешь, – говорит Иннокентий, и я с ним полностью согласна. – Ты не понимаешь, что это такое – быть одному на протяжении тысячи лет. Не знать, кто ты и зачем ты здесь. Видеть вокруг чужие расы и не видеть ни

единого существа, похожего на тебя. Иногда... Иногда это очень тяжело, Настя.

– Ага, – механически соглашаюсь я.

– Но даже если это очень тяжело, я не могу никуда от этого деться, потому что... Ты знаешь.

Да, я знаю. Потому что Иннокентий не может умереть. Он пытался – бесполезно. Другие тоже пытались, и совсем не из чувства сострадания. Результат – тот же. Получается, что Иннокентий, если хотите, бессмертен.

А еще в некоторых азиатских странах его прозвали Кащей, это означает что-то вроде «вечный узник». Прозвище более чем обоснованное, учитывая, сколько лет Иннокентий провел в тюрьмах и подземельях. Последний раз он провисел на цепях в подвале родового особняка Гарджели лет сорок, не меньше. Я вытащила Иннокентия оттуда. Теперь мы вроде как приятели. Несмотря на существенную разницу в возрасте. Несмотря на то, что у нас есть взаимные долги. Он должен мне две шоколадки. Я ему должна два пальца. Его пальца, не мои.

– Тысяча лет одиночества, – продолжает Иннокентий. – Это серьезная штука...

– Да уж, – соглашаюсь я. – Это тебе не баран чихнул.

– А может, и не тысяча, а может, и больше... Я ведь не помню точно...

– Знаешь что, – поворачиваюсь я к Иннокентию – Терпеть не могу, когда ты ноешь. У всех есть свои проблемы. У

бессмертных – свои, у смертных вроде меня – свои. Просто постарайся найти что-то приятное в своем положении.

– Легко, – отозвался Иннокентий. – Я сильно экономлю на подарках родственникам.

Я состроила сомневающуюся гримасу.

– И это всё?

– И еще когда у тебя в запасе куча времени, можно ко всему привыкнуть...

– Все простить... – подхватила я.

Иннокентий отрицательно покачал головой.

– Нет? – переспросила я.

– Нет, – сказал он.

– Соня?

– Соня, – сказал Иннокентий, подумал и добавил: – Ни-когда.

3

В свой первый день в Лионее Настя мало что увидела – нужно было отдохнуть после перелета, нужно было подождать, пока утрясутся какие-то неведомые, но, очевидно, многочисленные формальности, без соблюдения которых Насте и шагу невозможно было ступить за пределы гостиничного вестибюля. И чаще всего в тот день она слышала

слово «Протокол». По Протоколу следовало делать то, и ни в коем случае не следовало делать это; по Протоколу можно было ходить туда и упаси бог, если на три шага дальше. Все эти знания Протокола содержались в голове и в ноутбуке негритянки в брючном костюме абсолютно протокольного серого цвета; по-русски негритянка не разговаривала, поэтому сначала она общалась с Армандо, а потом терпеливо ждала, пока тот переведет все Насте. Через какое-то время Настя стала чувствовать себя не просто Настей, а ужатой до размеров одного человека международной делегацией, находящейся в эпицентре немыслимо сложного дипломатического конфликта, который куда проще обставить сотней разных протоколов, чем разрешить.

Все это происходило в холле отеля «Оверлук», причем в специальном его секторе, отгороженном от посторонних взглядов конструкцией из цветного стекла и керамики, поверх которой расплзались змейками какие-то экзотические растения. Настя некоторое время разглядывала эту символическую границу, которую все по тому же Протоколу следовало провести между нею и остальными гостями отеля, а потом повернулась к другому гостю отеля, который также был помещен в этот особый сектор, но, похоже, не испытывал по этому поводу никаких душевных терзаний.

– Это надолго? – шепотом спросила Настя.

– Не знаю, – сказал Иннокентий, рассматривая свои забинтованные кисти. – В Протоколе я не силен. Одно могу

сказать – плохо, что Смайли уехал. Без него мы тут пропадем. Я имею в виду, что без него каждый мелкий чиновник будет вытирать о нас ноги и по три часа зачитывать свои любимые параграфы из Протокола.

– Но ведь Армандо остался...

– Армандо вроде бы неплохой парень, но он всего лишь человек Смайли, один из многих. Он вынужден следовать Протоколу, а это значит, что мы умрем в этих креслах от голода и скуки. Это я шучу, – пояснил Иннокентий. – В том смысле, что тебя-то можно уморить голодом, а у меня просто сильно испортится настроение...

– Я оценила твою шутку. Кстати, а как насчет рук?

– Что именно в моих руках тебя интересует?

– Ты вроде бессмертен, но руки у тебя...

– С ними все будет в порядке, не волнуйся. Время лечит раны – это сказано именно про меня.

– Неужели?

– Ты ведь не видела меня в тот день, когда все случилось?

– Ты имеешь в виду, когда за нами гнался Давид Гарджели с армией упившихся кофе гномов?

– Гномы – не самая худшая часть его помощников, хотя пахли они и вправду ужасно... Я бы еще добавил – это был тот самый день, когда твой друг Филипп Петрович сдал меня Давиду Гарджели за возможность беспрепятственно уйти из подземелья.

– Мне очень жаль, но...

Иннокентий тихо засмеялся. Негритянка неодобрительно посмотрела на него поверх очков и вернулась к Протоколу.

– Что смешного? – шепотом спросила Настя.

– Ну о чем тут жалеть? Он мог выкрутиться за мой счет, значит, он должен был так поступить. Я бы на его месте поступил точно так же. И не забывай одну небольшую деталь: я бессмертен, а он – нет, ты – тоже. Поэтому я думаю, что Филипп ни секунды не колебался. А если учесть, что гранаты мне подсунул тоже он...

– Это Филипп Петрович дал тебе гранаты?

– И у меня не было никаких сомнений насчет того, как их использовать. Я дал вам немного отойти, а потом...

– Ты взорвал Давида Гарджели? – с ужасом произнесла Настя.

– Вряд ли, – с явным сожалением сказал Иннокентий. – Он стоял слишком далеко, между нами толпились все эти вонючие гномы, вот их-то и порвало в куски в первую очередь. Правда, при взрыве еще обвалился потолок, но это было не в той стороне, где стоял Гарджели, не со стороны дома, а со стороны подземного хода. Если помнишь, гномы наделали там дырок в потолке...

Настя кивнула. Она помнила. Это была та еще ночь. Ее можно было принять за материализовавшийся кошмар, вылезший из чьего-то больного подсознания. Хотя... Теперь, месяц спустя, почти все события той ночи получили свои логичные объяснения, и среди них не осталось ни галлюцина-

ций, ни миражей, ни фантазмагорий. Чистый реализм.

– Так вот, – продолжал Иннокентий. – Ты ведь не видела меня сразу после взрыва? Должен тебе сказать, зрелище было не из приятных. Я, конечно же, себя не видел в зеркале, но могу представить... Кусок паленого мяса, заваленный землей и камнями.

– Фу, – непроизвольно отозвалась Настя.

– Вот именно. Так и я сам себе и сказал: «Фу, Иннокентий, опять ты валяешься в какой-то канаве! В твоём-то возрасте...» Однако время лечит, Настя. Когда на развалинах появился Люциус, я уже был в форме. Если не считать рук. И если не считать дикой боли во всем теле.

– А эту боль ты глушил вином...

– А что делать? Вот это тело, – Иннокентий постучал себя по груди. – Оно способно на регенерацию, но фирма-изготовитель не предусмотрела обезболивания во время регенерации, пришлось решать проблему самостоятельно...

– Это сколько же ты не просыхал? Неделю?

– Глупо об этом спрашивать меня, потому что, как ты верно заметила, я находился в непросохшем состоянии... Понимаешь, взрывом обвалило не только потолок подземного хода, но и часть стены, за которой находился винный погреб брата Макса. Помнишь брата Макса?

Настя кивнула. Брат Макс был вампиром, первым вампиром, с которым Настя свела знакомство, а потому забыть его было сложно.

– Винный погреб? – Настя нахмурилась. Она помнила пыльные донышки бутылок, мимо которых они с Иннокентием и Филиппом Петровичем бежали в ту ночь, но ведь...

– Разве там было вино? Мне кажется, там хранились запасы...

– Крови? Да, и это тоже. Но я в состоянии отличить кровь от вина, не волнуйся. Могу сказать одно – мои отношения с братом Максом испорчены навсегда. Один взрыв в подвале чего стоит, а уж опустошение винного погреба... В Старых Пряниках мне теперь появляться не стоит. Хотя бы ближайшие лет сто.

Настя согласилась. Ее саму в Старые Пряники тоже не тянуло. Вообще, если задуматься, ей не хотелось возвращаться ни в одно из мест, где она побывала за последние семь месяцев. С некоторыми из этих мест были связаны неприятные воспоминания, некоторые были просто опасны для жизни. Настя словно двигалась по дороге с односторонним движением, и эта дорога привела ее в особый сектор вестибюля лионейского отеля «Оверлук». Здесь было до зевоты скучно, но пути назад отсюда не было.

Поэтому Настя терпеливо ждала, пока негритянка в сером брючном костюме исчерпает свой запас познаний в протокольных тонкостях.

И конечно же, она дождалась: не прошло и четырех часов, как негритянка одарила Армандо протокольной улыбкой, закрыла ноутбук и удалилась. Армандо обернулся, чтобы со-

общить Насте радостную новость, но затем решил, что новость никуда не убежит. Он осторожно накрыл спящую девушку своим пальто и сел в кресло напротив. Так он мог наблюдать и за спящей Настей, и за бодрствующим Иннокентием. Впрочем, только очень внимательный наблюдатель смог бы определить, что мужчина, развалившийся в углу дивана, на самом деле не спит, а просто лежит с полуприкрытыми глазами. Армандо был как раз таким наблюдателем, поэтому он не удивился, когда некоторое время спустя Иннокентий тихо проговорил:

– Лионея – странное место...

– Что в ней странного? – вежливо поддержал разговор Армандо.

– Многие считают, что это сердце мира. Но каждый раз, как я попадаю сюда, я не чувствую в этом сердце жизни. Если оно еще и бьется, то все медленнее и медленнее... Может быть, скоро оно перестанет биться вообще, и, что самое интересное, мир этого не заметит. Вот это я считаю странным, Армандо.

– У вас еще будет время обсудить эти глубокие мысли с дознавателем.

– Ко мне пришлют дознавателя?

– Совершенно верно. Амбер Андерсон отдала необходимые распоряжения.

– Амбер Андерсон, – вздохнул Иннокентий. – Так это она заинтересовалась мной... А я-то надеялся, что меня закину-

ли в самолет случайно, вместе с прочим багажом...

– В мире мало случайных совпадений. И твой случай – не из этого малого числа.

– Согласен. Тебя ведь тоже неслучайно приставили к ней, – Иннокентий качнул головой в сторону спящей Насти.

– Меня назначил Смайли.

– Да, конечно. Он выбрал тебя, потому что знает...

– Что он знает?

– Что в случае необходимости ты сможешь ее убить. У тебя есть опыт, Армандо. Правда?

– В случае необходимости я смогу убить даже тебя.

– Вы все только обещаете, – вздохнул Иннокентий. – Только обещаете...

Нас с Армандо познакомил Смайли. Точнее, он приставил Армандо ко мне в качестве персонального опекуна и телохранителя. Это случилось на второй или третий день после моего приезда из Старых Пряников в отель «Глория», а отель «Глория» тогда был чем-то вроде штаб-квартиры королевской службы безопасности на время поисков Дениса Андерсона. А Денис Андерсон был моим парнем и по совместительству наследником королевского трона Лионеи. Так вот, возвращаясь к Армандо: я вышла из номера, чтобы отыскать Смайли, и через некоторое время обнаружила, что за мной молчаливой тенью следует высокий брюнет лет тридцати. Это я помню. Чего я не помню, так это в ка-

кой момент Армандо перестал быть моей молчаливой тенью и превратился в... Я хотела написать «в моего ангела-хранителя», но потом решила, что это будет слишком банально. Тем более что по пути из отеля «Глория» в аэропорт Шереметьево и далее в Лионее охранять меня было не от кого, а если бы и была опасность, так ведь Р.Д. Смайли путешествовал в компании двух дюжин охранников, готовых к любым неожиданностям.

Так что таланты Армандо в области сохранения меня от напастей оставались до поры до времени непроявленными, а уж насчет ангела... Почему-то с некоторых пор я не могу воспринимать это слово как комплимент.

Кем же он тогда стал? Пожалуй, Армандо стал самым близким для меня человеком, учитывая, что в Лионее я никого не знала. Денис Андерсон пропал, Филипп Петрович лежал в больнице, Смайли был по горло занят делами... Ах да, и Смайли к тому же был гномом, а не человеком. Что не мешало ему возглавлять королевскую службу безопасности. Еще был Иннокентий, но и он не был человеком, к тому же, когда я проснулась на кожаном диване в холле лионейского отеля «Оверлук», Иннокентия рядом не было. Армандо сказал, что у королевской службы безопасности возникли кое-какие вопросы к нему; потом я узнала, что Иннокентий находится где-то на верхних этажах того же отеля, но не в качестве дорогого гостя, а в качестве заключенного под домашний арест. Почему-то меня это не удивило.

Вот так мой круг общения сузился до одного-единственного человека, Армандо. Не ангел, но и не молчаливая тень. Просто человек, который пытался мне помочь. В тех обстоятельствах и это было немало.

Впрочем, была еще Амбер Андерсон, старшая сестра Дениса. Она тоже пыталась помочь мне найти место в этой жизни.

По-своему.

4

Утром второго дня Настю накрыла депрессия. Она ухватила ее настолько по-хозяйски цепко, что Настя заскучала по Монаховой, по университетскому общежитию, по обеденным перерывам в магазине женской одежды, где она подрабатывала несколько месяцев...

Наверное, это было чрезвычайно глупо – лежать в огромной постели шикарного гостиничного номера шикарной гостиницы посреди шикарной европейской столицы, будучи при этом личной гостьей королевской семьи, и чувствовать себя глубоко несчастной. Однако Настя чувствовала себя именно так. Она немного поплакала, но это не помогло; нужно было выговориться и услышать в ответ нечто утешительное, некую гарантию, что все будет хорошо, что ее утрен-

няя тоска – результат авиаперелета, смены часовых поясов, незнакомой обстановки и еще миллиона разных мелочей, которые вскоре перестанут иметь какое-либо значение.

Поскольку вокруг не было никого, кто бы мог эти слова произнести, Настя решила сама сказать это, сначала про себя, потом вслух. Звучало неубедительно. Тогда Настя подумала, что надо записать эту утешительную речь на бумаге, а потом попросить, чтобы ее прочитал вслух кто-то авторитетный – типа Армандо или Смайли, а лучше, чтобы сам король Утер, отец Дениса. Хотя, наверное, это было бы уже наглостью с ее стороны.

Часы на прикроватном столике показывали начало двенадцатого, когда депрессия тактично уступила место легкому беспокойству: если она особый гость королевской семьи, специально привезенный чартерным рейсом бог знает откуда, если она – как ни странно это звучит – без пяти минут невеста наследника престола, то почему тогда молчит телефон и никто не стучит в дверь? Она что, никому не нужна? Ее привезли в Лионею, чтобы она валялась в постели сутки напролет? Про нее забыли?!

Почему-то при этом Насте сразу вспомнилась Амбер Андерсон, брошенное ею в аэропорту: «Зачем ты привез ее с собой?» Тут наверняка дело было не только в личной неприязни – хотя откуда было ей взяться, они с Амбер ведь даже не перекинулись парой слов, – тут наверняка были замешаны какие-то более сложные вещи, типа придворных ин-

триг и тому подобной ерунды, которые неплохо смотрятся на страницах исторических романов, но если сама оказываешься посреди этой фигни... Ой-ой-ой.

Депрессия любезно вернулась, и Настя поспешно натянула одеяло на голову, продолжая следовать череде пугающих мыслей. Наверняка у них тут в Лионее тысячелетние традиции плетения интриг и заговоров вокруг королевского престола, и Амбер, несомненный ас в этих делах, думает о Насте как о расчетливой стерве, которая коварно обольстила Дениса и таким образом попыталась затесаться в славную династию Андерсонов. Хм-м-м... Мысль о себе как о коварной соблазнительнице внезапно согрела Настино самолюбие. Мысль о себе как о расчетливой стерве была не столь вдохновляющей, но все равно лучше, чем образ плаксы, которая уже несколько часов никак не может заставить себя вылезти из-под одеяла.

Настя нахмурилась. Действительно, хватит быть плаксой, пора стать коварной стервой и... И что? Подняться наконец с постели, отдернуть шторы и посмотреть на страну, в которой ей предстоит жить? Нет, не так. Подняться с постели, отдернуть шторы и посмотреть на страну, которой ей предстоит править!

Упс. Это она сказала вслух? Нет? Какое счастье. Давайте все-таки действовать постепенно. Сначала встанем с постели, потом умоемся... А потом уже подумаем о борьбе за власть... В которой у Насти не будет никакого шанса и ко-

торуую лучше и не начинать, потому что если Амбер Андерсон и ее приспешники (Настя не сомневалась, что у той есть приспешники; в ее представлении это были такие подобострастно ссутулившиеся люди, которые все время *спешили*, чтобы не отстать от своей хозяйки, поэтому они и звались приспешниками; у Амбер Андерсон их была наверняка целая куча) начнут относиться к Насте как к коварной стерве, алчущей власти... М-да, недолго Настя против них продержится. А проще говоря, Настю съедят с тапочками.

Отсюда напрашивался вопрос – зачем я сюда вообще приехала? Может, стоило сбежать от Смайли? Чтобы неминуемо попасть в руки либо Давида Гарджели, либо майора Покровского и его таинственных хозяев? Ответ отрицательный.

Ну тогда... Ну тогда она все-таки решила поддаться на собственные уговоры, встать с постели и отдернуть шторы, чтобы посмотреть на страну, которая... Которая на самом деле была ей совершенно незнакома, и, наверное, первым делом стоило ее узнать, а уж потом решать, хочет ли Настя ею править или хочет бежать отсюда со всех ног.

Настя по-прежнему не была уверена в своих властных амбициях, но, глядя с высоты гостиничного номера на полуденную Лионею, она решила, что по меньшей мере попытается понять эту страну.

С тех пор я часто смотрела на Лионею из окна гостиничного номера. Я видела ее весной и осенью, утром и ночью, я

видела ее в дни праздников и в дни печали. Я не могу сказать, что до конца поняла ее, по одной простой причине – той Лионеи, которую, отдернув шторы, увидела девятнадцатилетняя Настя Колесникова, больше не существует. Точнее, она умирает, она исчезает с лица земли. Ее огни медленно гаснут, ее улицы, никогда и прежде не бывшие многолюдными, окончательно пустеют.

Сегодня я тоже смотрела на Лионею из окна гостиничного номера.

Я увидела страну, в которой всем нам предстоит умереть.

5

Оказалось, что если хорошенько протереть глаза и осмотреться, то в соседней комнате можно обнаружить мобильный телефон и ноутбук. Их оставил вчера вечером Армандо, однако полусонная Настя тогда просто кивнула в ответ на появление этих предметов и тут же про них забыла. В мобильнике нашлись номера Армандо, Смайли и администратора гостиницы. О чем говорить с администратором, Настя не знала, на Смайли она была слегка обижена за вчерашнее, оставался Армандо.

– Анастасия?

– Она самая. Э-э-э...

– Да, я слушаю.

– Короче, я вот тут сижу в гостинице...

– Так.

– И я не знаю, что мне делать.

– То есть?

– Я проснулась, и я не знаю, что мне теперь делать. Мне надо куда-то идти или надо сидеть в номере и ждать? Мне нужно будет встречаться с королем или с этой дурой Амбер? Что мне вообще можно делать? Я помню, что вчера негритянка два часа объясняла тебе этот дурацкий Протокол, ну так просвети меня, только вкратце...

– На самом деле четыре часа.

– Что?

– Негритянка объясняла мне Протокол четыре часа, просто вы под конец заснули.

– Неважно. Что мне делать?

– Вкратце, у вас свободный день. Можете погулять по городу, осмотреть достопримечательности.

– А как насчет поесть?

– Это не запрещено.

– Но... Деньги?

– Анастасия, вы личный гость королевской семьи.

– И что это значит?

– Деньги вам не нужны. Просто звоните администратору и заказывайте что угодно.

– Круто. На алкоголь это тоже распространяется? – Да.

– Очень круто, потому что есть сильное желание напиться.

– Я могу чем-то помочь?

– В смысле составить компанию? Вполне...

– Нет, я о другом. Желание напиться вызвано...

– Тем, что мне тошно. Было, по крайней мере.

– Рекомендую прогулку по городу. Хотите – пешком, хотите – на специальном такси....

– Тоже на халяву?

– Несомненно.

– Мне уже не так тошно, Армандо, спасибо.

– Это моя работа, Анастасия.

– Что ты заканчивал, чтобы устроиться на такую работу?

Просто интересно...

– Это передается по наследству.

– Так я и знала, сплошной блат кругом...

– Сплошной что?

– Неважно. А разве ты не должен быть рядом со мной, если я отправлюсь разгуливать по Лионее? Вдруг я потеряюсь? Вдруг на меня нападут?

– Здесь очень сложно потеряться, – заверил Армандо. – И здесь вполне безопасно. Хотя, если хотите, я могу сопровождать вас...

– Я подумаю над этим предложением. А ты вообще сейчас где?

– В здании королевской службы безопасности. Это недалеко от гостиницы. Впрочем, в Лионее все недалеко друг от друга. Так что, нуждаетесь в эскорте или будете наслаждаться свободой?

– А ты там сильно занят, на своей службе?

– Достаточно.

– Это из-за письма, которое мы привезли?

– Из-за письма тоже.

– Король уже вскрыл письмо?

– Хм-м...

– Да? Или нет?

– Это довольно сложный вопрос, Анастасия.

– И он напрямую касается меня, Армандо. Да или нет?

– И да, и нет.

– Как это?

– Это не совсем письмо, Анастасия.

– Неужели? А что же это? Чайник? А было так похоже на письмо!

– Анастасия, у меня есть предложение. Давайте встретимся в пять часов возле здания КСБ...

– Возле чего?

– Королевской Службы безопасности.

– Ты всем девушкам назначаешь там свидания?

– Нет, только вам, потому что, вероятно, с вами захочет пообщаться Смайли.

– Передай ему, что я на него обиделась за вчерашнее. Он

забыл меня в аэропорту, как будто я чемодан или еще хуже...

– Хуже чемодана? – уточнил Армандо. – Настя, скажите это ему лично.

– А ты что, боишься его?

– Я боюсь, что не подберу правильных слов, чтобы выразить ваши оскорбленные чувства, Анастасия.

– Это что, ирония?!

– Как можно. Я ведь на работе.

– На работе... – повторила Настя, уже отложив телефон. – Он на работе. Иннокентий под домашним арестом. Филипп Петрович в больнице. Монахова в России. Денис у Горгон. Все на своих местах. Только я непонятно где. Где я?

Ответ «В Лионее» ее категорически не устраивал, потому что пока не было понятно, что скрывается под этим географическим названием: работа, домашний арест, санаторий, ловушка или же просто место, где ей предстоит страдать от тоски и одиночества, сожалея об очередном неверном выборе.

6

Лионейские такси были похожи на упитанных синих жуков, и Настя, устроившись на заднем сиденье, почему-то почувствовала себя Дюймовочкой из сказки; не в смысле ма-

ленького роста, а в смысле того, что к Дюймовочке тоже все время клеились какие-то странные типы вроде слепого крота; а потом прилетел принц (вроде бы на стрекозе?) и увез в волшебную страну. И хотя в сказке эти важные вопросы оставались неразъясненными, но, наверное, Дюймовочка тоже поначалу психовала, очутившись в незнакомом городе, побаивалась родственников своего принца, плакала в подушку, а потом пыталась успокоиться, вытащив саму себя за уши на экскурсию по городу. Однако у Дюймовочки, по крайней мере, был рядом ее принц, а у того наверняка имелась жилетка, куда в случае чего можно было пореветь. У Насти же не было и этого, зато была пластиковая карточка с неограниченным кредитом, и, как обещал Армандо, ее с радостью должны были принимать во всех лионейских магазинах. По крайней мере, проблемы с покупкой мелкооптовой партии носовых платков не должно было возникнуть.

Машина двигалась по улице удивительно тихо, почти бесшумно. Приборная доска тоже была какая-то странная. Таксист уловил Настин любопытный взгляд и сказал:

– Электричество.

– О! – с уважением сказала Настя. – Круто.

В стране, которой правит король по имени Утер, а службу безопасности у него возглавляет гном по фамилии Смайли, все должно быть со странностями. Электромобиль был первой из их числа, и хотя это была совсем не волшебная странность, но для начала Настя готова была принять и такое.

Со временем она стала замечать и прочие странности. Учитывая, что она находилась в столице государства, улицы были на удивление малолюдны. Машин по дороге им встретилось тоже немного, причем в основном это были такие же синие пузатые такси. Ни тебе автобусов с туристами, ни тебе уличной торговли сувенирами, ни праздно шатающихся парочек. Детей, к слову, Настя тоже нигде не заметила.

В остальном все примерно соответствовало Настиным представлениям о маленьком европейском королевстве, аккуратном, чистеньком и даже немного скучном в своей аккуратности и чистоте. Старые ухоженные дома, за которыми деликатно скрывались более современные постройки; подстриженные кусты, аккуратные лавочки, услужливо изогнутые фонарные столбы... И постоянно встречающийся на стенах домов, на вывесках и на флагах символ – тот самый, что Настя впервые увидела на обороте карточки, которую дал ей Филипп Петрович на исходе долгой ночи в Старых Пряниках. Дерево с шестью ветвями с каждой стороны, символ Большого Совета, где представители двенадцати Великих старых рас уже несколько сотен лет сидели за одним столом и решали свои дела миром, сохраняя Землю как общий дом для людей и вампиров, великанов и драконов, оборотней и леших... Иначе говоря, для людей и нелюдей.

Таксист, к слову, выглядел абсолютно по-человечески и даже сносно говорил по-русски, что делало его персоной совершенно неэкзотической и совсем не тем лионейцем, како-

го Настя ожидала увидеть после долгих разговоров со Смайли. Впрочем, это был специально подобранный для нее водитель, и подбирали его, вероятно, так, чтобы Настя чувствовала себя как можно более комфортно.

Они переехали недлинный, словно кукольный, мост, украшенный фигурками драконов, и затем дорога пошла вверх, мимо отгороженного высокой металлической решеткой парка, который постепенно становился все более запущенным, а потом вдруг стал кладбищем. Точнее, посреди все того же запущенного парка вдруг появились надгробные камни, и было их так много, и были они столь очевидно обтесаны временем, столь естественно срослись со здешней природой, перестав быть чужеродными кусками мрамора или гранита, что всякие сомнения в древности этого кладбища и в древности самой Лионеи отпадали сами собой.

Потом машина въехала на небольшой холм и остановилась. Водитель предложил Насте пройти на полукруглую смотровую площадку, чтобы увидеть город сверху. Она послушно прошла на площадку и увидела под голубым апрельским небом город. Он показался ей умиротворенным, почти дремлющим в своей уютной чаше, заключенной меж гор. В нем не было ничего таинственного, ничего пугающего. По крайней мере, со смотровой площадки Лионея выглядела именно так, но в то же время Настя знала, что это таинственное там есть; просто оно спрятано от сторонних взглядов. Именно потому что тайны Лионеи были скрытыми, они за-

ранее пугали ее, и Настю не тянуло поскорее забраться в машину и ехать назад. Наблюдать за Лионеей со стороны казалось более приятным занятием.

В небе вдруг возникла черная точка, и Настя заморожено уставилась на нее, ожидая, что вот сейчас наконец Лионеея явит ей свои странности и свои тайны... Проще говоря, она подумала, что это дракон. Летит себе на какое-нибудь очередное заседание Большого Совета. Сейчас сделает пару кругов над аэропортом и пойдет на посадку. Однако...

Однако дракон издавал звуки в точности как вертолет, а при ближайшем рассмотрении оказалось, что это вертолет и есть. Он не стал нырять к аэропорту, а выбрал для посадки крышу одного из высотных зданий. Настя разочарованно хмыкнула.

– Ну а хотя бы королевский дворец мы можем посмотреть? – обернулась она к таксисту.

– Гра-а-ах! – проревел таксист.

– Чего?! – Настя испуганно отступила назад и стала рыться в карманах плаща, нащупывая телефон. Его там не было. Мобильник остался лежать на заднем сиденье такси, и это наполнило Настю уверенностью.

Уверенностью в своей скорой и неприятной смерти.

– Дворец? – переспросил таксист. – Королевский дворец?

Настя не торопилась отвечать и внимательно разглядывала водителя, который недоуменно чесал в затылке и пытался понять, что случилось с его пассажиркой.»

– Поехали? – предложил таксист. – Вы сказали – во дворец

...

– Мой мобильник, – сказала Настя. – Сначала дайте мне мой мобильник...

Таксист нашел на заднем сиденье телефон и протянул его девушке.

– Ой, – сказала Настя.

– Что? – развел руками таксист.

– Пальцы.

– Чьи пальцы?

– В-ваши.

– Мои пальцы? – таксист посмотрел на обе свои руки и сделал вывод: – Они на месте.

– Да. Но они...

– Не очень красивые?

– Они... странные. Они... – Настя не могла произнести это вслух, но пальцы у таксиста были ненормально длинные, кривые и мохнатые. Оставалось удивляться, почему Настя не заметила этого раньше... Или... Или почему раньше у водителя не было таких пальцев.

– Нормальные пальцы, – сказал таксист. И как только он это сказал, прямо на глазах его пальцы перестали быть мохнатыми. И стали не такими кривыми. Тут до Насти наконец дошло:

– Вы случайно... не... не оборотень? То есть я не знаю, как это правильно называется, но...

– Оборотень, – сказал таксист. – И совершенно не случайно. Родился таким. Вот, разве вы не заметили?.. – Он снял с лобового стекла карточку с лицензией и протянул Насте.

«Roman W. Stavizkie», – прочитала она.

– W – значит...

– Международное обозначение нашей расы. Сокращение от werewolf, хотя лично мне «оборотень» нравится больше. Мы ведь не волки, понимаете? Мы совсем другое...

– Да-да, – согласилась Настя, готовая сейчас согласиться на все, что угодно. – Понимаю. – Она взяла у Романа мобильник и забралась на заднее сиденье.

– Так вас напугали пальцы? – спросил тот, запуская двигатель. – Извиняюсь...

– И пальцы тоже, но сначала меня напугало ваше «гр-р».

– Гр-р? Какое «гр-р»? А-а! – таксист хлопнул себя по лбу. – Это я, наверное, задремал, пока вы любовались видами... И разговаривал во сне.

– Ну, это мало было похоже на разговор. Это было похоже именно на «гр-р»! – несколько натужно рассмеялась Настя.

– Таков уж Первоначальный язык, – пожал плечами Роман.

– Первоначальный язык?

– Язык, на котором разговаривает моя раса. Есть такая легенда, что сначала – я имею в виду, с *самого начала* – все расы говорили на одном языке, на Первоначальном языке. И все понимали друг друга. Потом расы возгордились,

и захотели отличаться друг от друга, и стали выдумывать каждая свой язык, и перестали понимать друг друга. Только раса оборотней осталась верна Первоначальному языку... Но честно говоря, большой пользы от этого нет. Пришлось учить английский, немецкий, русский – это только из человеческих языков. Иначе таксисту в Лионее делать нечего...

– А что с пальцами? Сначала они у вас были нормальными, то есть похожими на человеческие, потом стали мохнатыми, а потом снова...

– Это просто. Мы можем контролировать свой облик, то есть мы выйдем так, как хотим в данный момент...

– То есть все эти рассказы про полнолуние...

– Так было раньше, в Средние века. Теперь все гораздо проще... Эволюция, слышали про такое? Короче говоря, я задремал, немножко утратил контроль над телом, и оно стало трансформироваться...

– То есть если бы вы проспали еще с полчаса...

– Максимум – у меня была бы очень волосатая спина. Но я не показываю спину пассажирам. Если только они не просят.

– Я бы не стала просить! – нервно рассмеялась Настя. – То есть я не имею ничего против вашей спины, но... А можно вас попросить кое о чем другом?

– Трансформироваться целиком? Это не совсем удобно, но...

– Нет, я про совсем другое. Скажите еще что-нибудь на Первоначальном языке.

– С удовольствием, – отозвался Роман и немедленно выдал что-то длинное, хрипло-рычащее и странным образом знакомое.

– Что это? – поинтересовалась Настя.

– Это из песни. «Меня не запрешь в клетке, я тебе не обещаю на ветке». Не слышали? Довольно популярная песня, ее часто играют на местном радио. Да у меня где-то здесь есть на диске... – Роман стал рыться в своей сумке, попутно продолжая объяснения: – Называется «Звереныш», а группа – «Воюющие на луну». Они уже давно все умерли, но... Это настоящая классика! Как я ее понимаю...

Роман ткнул кнопку своим вполне нормальным человеческим пальцем, и вслед за этим из динамиков вырвалось нечто похожее на звуки, издаваемые стаей голодных волков, которые пытаются забраться в коровник через очень узкую щель в стене. Где-то на заднем плане их вдохновляли яростные барабаны, а потом волки еще и запели на Первоначальном языке, с чувством и такими интонациями, как будто в подробностях сообщали коровам, что с ними будет, когда волки все же заберутся внутрь.

– Спасибо, – вежливо сказала Настя. – Я предпочитаю более мелодичную музыку.

– Куда уж больше? – удивился Роман. – Именно после «Звереныша» все стали говорить, что «Воюющие на луну» продались...

– Кому продались?

– Большому шоу-бизнесу. Но я так никогда не говорил! Я всегда считал, что «Звереныш» – это классика.

Настя автоматически кивала головой. История «Воюющих на луну» ее мало интересовала. Она узнала, конечно же, не песню, она узнала этот язык, похожий на скатывающийся камнепад, на звук одежды, раздираемой когтистыми лапами, на треск сломленного бурей дерева...

Насте приходилось слышать подобные звуки дважды. Во-первых, Денис Андерсон как-то развлекал ее за чашкой кофе и попутно демонстрировал свои лингвистические способности. Во-вторых... Настя поежилась, хотя никаких резких перемен в лионейской погоде не произошло.

Во-вторых, это сказала телефонная трубка в одном жутком подвале. Шестого сентября прошлого года. Дата, достойная, чтобы ее запомнить. В тот день Настя дважды потеряла Дениса Андерсона – сначала как человека, которого она любила и которому доверяла, а потом уже просто как человека. В тот же день на глазах Насти голова Горгоны убила всех обитателей злополучного подвала. И как достойное завершение славного дня, Настя столкнулась на загородной дороге с рыжеволосой девушкой Соней, и это привело к тому, что Настя потеряла почти полгода своей жизни и едва не потеряла память.

Много чего случилось в прошлом году шестого сентября, и где-то посередине этого дня Настя пережила прилив холодного ужаса, услышав в телефонной трубке нечто вроде

«Ааргхакашлан», произнесенное словно из-под крышки гроба. Тогда она решила, что ей просто послышалось или это на худой конец ошиблись номером, но теперь, семь месяцев спустя, было похоже, что звонили именно ей.

Чтобы сказать: твоя жизнь больше никогда не будет такой, как прежде. Приехали, детка.

– Приехали, – радостно сказал таксист Роман, и Настя вздрогнула. – Королевский дворец.

7

На десятой минуте прогулки по королевскому дворцу Настя поняла, что же за чувство медленно расцветает внутри ее, пуская в кровь свои горькие соки. Оно называлось разочарование. Дворец, безусловно, был большим, красивым (хотя и не роскошным) и... еще раз, большим. Однако в Настином представлении резиденция короля, который – на минуточку! – имеет некоторое отношение к судьбам мира последних двухсот или трехсот лет, должна была обладать и еще некоторыми качествами. Например, сюда не должны были пускать людей с улицы. Обычных людей, вроде самой Насти. Ну как это так – она вылезла из такси, поднялась по ступеням и просто вошла внутрь. И вот уже десять минут шатается по этим залам, которые, конечно же, производят

на нее впечатление... одновременно нагоняя скуку. Так вот, вопрос на засыпку – хоть кто-то остановил ее на входе? Хоть кто-то спросил у нее документы? Хоть кто-то сказал строгим голосом: «Девушка, и куда это вы направляетесь?!» Однозначный ответ: никто. Всем наплевать. Тотальная безответственность. Имея некоторое отношение к династии Андерсонов (пусть пока и неоформленное), Настя не могла не возмутиться. Хорошо, что сейчас во дворец вот так запросто зашла она, Настя. А если какие-нибудь враги? Террористы? Грабители? Тут она задумалась над вопросом, есть ли в Лионее свои грабители и террористы, учитывая закрытость границ и все прочее... Спросить было опять-таки не у кого, поскольку очередной зал, куда вошла Настя, оказался безлюдным, как и все предыдущие залы.

Впрочем, при более подробном рассмотрении это оказалось не зал, а длинный проход из одной части дворца в другой. По обеим сторонам прохода выстроились высоченные колонны, и где-то далеко, в самом конце этого прохода, виднелась ведущая наверх широкая лестница, однако у Насти не было ни желания, ни времени пускаться в столь дальнее путешествие. Часы показывали половину пятого, а значит, пора было двигаться в сторону этой самой КСБ, на встречу с Армандо. Настя к тому же не видела особого смысла исследовать лестницу и верхний этаж – никаких признаков жизни там тоже не наблюдалось; тишина и еще раз тишина. «Может быть, сегодня выходной? – подумала Настя. – Может быть, у

них выходной не в воскресенье, как у нормальных людей, а сегодня? Сегодня, то есть в...»

Упс. Докатились. Она уже не помнила, какой сегодня день недели. Хотя что же в этом необычного? В прошлом году, осенью, у Насти был такой период в жизни, когда она не то что день недели, месяц и год не могла вспомнить. И еще говорят, что часов не наблюдают только счастливые!

Настя стала загибать пальцы, пытаясь посчитать, сколько дней прошло после того, как она вместе со Смайли и компанией уехала из отеля «Глория» в Подмосковье, чтобы потом вылететь из Шереметьева в Лионею. Память подсовывала ей одну твердую дату – шестнадцатое апреля, но был ли это день отъезда из «Глории» или же это был день вылета в Лионею... Мозги окутал густой туман. Но шестнадцатое было пятницей, так?

– Шестнадцатое было четвергом.

– Спасибо, – автоматически сказала Настя. – Я говорила вслух? – уточнила она для начала, чтобы понять, не забрался ли снова кто-то ей в мозги.

– Несомненно.

Настя оглянулась и с радостью поняла, что говорящий находится не внутри ее головы, а где-то за колоннами.

– Прошу прощения, – Настя облегченно вздохнула. Наконец-то ей встретилась в этих каменных джунглях живая душа, которая сейчас наверняка потребует у нее документы и велит убираться с запретной территории, ну и заодно проводит к

выходу. – Я случайно сюда зашла, я не видела ограждений...

– Я тоже их не видел. А они должны быть?

– Это же дворец. Сюда не должны пускать посторонних.

– Свежая мысль... Что плохого в посторонних?

– Ну-у... – протянула Настя, вовсе не потому, что вопрос поставил ее в тупик, а потому, что одновременно она еще и осторожно перемещалась к колоннам, чтобы получше разглядеть говорившего. Тот, как назло, находился в малоосвещенной части зала, и пока, основываясь на голосе, можно было только с уверенностью сказать, что это мужчина, причем мужчина в годах (согласно тогдашней Настиной классификации это означало тридцать лет и старше). И еще он был невысокого роста.

– А потом, откуда в Лионее посторонние? – продолжал между тем голос из тени. – Здесь все так или иначе... Стоп.

Настя послушно замерла.

– Ты посторонняя.

Настя кивнула.

– Я тебя раньше не видел. Значит, ты посторонняя. И ты считаешь, что тебя не надо было сюда пускать. Почему? У тебя какие-то темные замыслы?

– У меня нет никаких замыслов, и темных тоже нет. Но другие посторонние, у них могут быть темные замыслы, понимаете?

– Например?

– Что-нибудь украсть... Или... Или напасть на короля!

– Какие странные замыслы, хотя... Откуда ты, посторонняя?

– Из России.

– Разумеется, – в голосе появилось раздражение. – Если я разговариваю с тобой по-русски, то скорее всего ты из России. Мог бы и догадаться. Вот что значит... – Он вдруг замолчал, потом внезапно увеличился в размерах (и Настя с запозданием поняла, что до сих пор мужчина сидел на подобии небольшого табурета) и оказался рядом с Настей.

– Здравствуйте, Анастасия, – сказал он и осторожно взял Настины пальцы в свою руку. – Добро пожаловать в Лионею.

– Здравсьте, – сказала Настя, обращаясь наверх, ибо мужчина столь очевидно возвышался над ней, что разговаривать с ним было почти то же самое, что разговаривать с колонной. Но, в отличие от колонны, мужчина был живым, довольно обаятельным...

И еще он был королем Лионеи.

8

– Могла бы и догадаться, – сказала Настя, еще не отойдя от потрясения. – Кто же еще может сидеть посреди королевского дворца, один, в темноте... В смысле, кого еще сюда пустят? И кому еще дадут табурет? Ой, я лучше немного

помолчу.

– Пускают сюда всех, – пояснил Утер. – А вот насчет табурета ты права, это специальный королевский табурет. Вот где-то здесь есть монограмма...

Табурет на самом деле оказался раскладным стульчиком, типа тех, что берут на дачу, только этот был с монограммой, ну и еще он, наверное, имел какую-то особую конструкцию, чтобы выдержать вес короля, поскольку Утер был мужчиной весьма серьезной комплекции. Он еще некоторое время вертел этот стульчик в руках, чтобы найти монограмму, но потом смирился:

– Бог с ней, с монограммой.

Настя согласно кивнула. Она не знала, как еще можно поддержать разговор, и вообще она только что с ужасом поняла, что никто не успел ее просветить насчет правил поведения при общении с особами королевской крови. Интересно, будет ли прилично отойти в сторонку на пару минут, быстренько позвонить Армандо и узнать от него хотя бы самые общие прави...

Ага. Теперь понятно. Оказывается, этикетом предписано, чтобы при первой встрече короля Лионеи и, скажем так, подруги наследника престола король сграбастал подругу наследника престола в охапку и потащил куда-то за темные леса, за высокие горы... В смысле в направлении лестницы.

– Все должно было быть по-другому, – сообщил по дороге Утер.

Тут Настя была с ним полностью согласна.

– Мы с тобой должны были встретиться в пятницу вечером на торжественном приеме, – пояснил Утер. – Так было задумано, но... Но раз судьбе было суждено... Значит, в этом есть какой-то смысл, которого я не знаю и никто никогда не узнает, и даже если придворный астролог скажет, что знает, то и ему тоже не верить...

– Прием? – пискнула Настя, едва поспевая за Утером. – Мне никто не говорил про прием!

– Потому что это сюрприз!

– То есть теперь приема не будет?

Утер резко остановился.

– А как ты хочешь?

Настя перевела дух, на всякий случай отступила назад, чтобы снова не попасть в гостеприимный захват Утера, от которого трещат ребра, и задумалась.

– Я хочу... – Она замялась, потом посмотрела на короля, не увидела в его лице ничего пугающего и продолжила: – Я хочу, чтобы все было постепенно.

– Хм, – сказал Утер, но скрежетать зубами и швыряться молниями не стал, из чего Настя сделала вывод, что запас королевской благожелательности еще не исчерпан.

– Я прилетела вчера, – продолжила Настя. – Мне нужно было отдохнуть и все такое... И вообще, если будет какой-то прием, то мне нужно будет надеть что-то подходящее, а у меня нет подходящего, потому что я прилетела вчера, и....

– ...и тебе нужно было отдохнуть и все такое, – закончил фразу Утер. – Анастасия, ты можешь не выбирать слова, а говорить именно то, что ты думаешь. Я все-таки король.

– Если я буду говорить то, что думаю, вы не отрубите мне голову?

– Отрублю голову? Я? Кто тебе такое сказал? Это Денис такое про меня рассказывал?

– Н-нет... – Настя поняла, что с ее шуткой, очевидно, не все в порядке.

– А кто такое рассказывал? Смайли?

– Никто не рассказывал, это была шутка. Неудачная.

– О! – Утер подумал и кивнул, демонстрируя понимание и толерантность. – В любом случае, про голову не думай. С ней все будет в порядке. Так ты хочешь, чтобы все было постепенно?

– Да. Я не против приема и прочих... мероприятий... Но сначала я хотела бы осмотреться. Прийти в себя.

– Это нормально, – сказал Утер. – Ты боишься, но это нормально. Это пройдет. Когда моя жена... Стоп, – сказал он строго. – Я не попадусь на эту удочку. Я не стану кормить тебя баснями из своей стариковской жизни. Я не хочу, чтобы ты возненавидела меня раньше времени.

– Я не собираюсь вас ненавидеть...

– Мой сын возненавидел меня, Анастасия. Так что не будет ничего удивительного, если...

– Он никогда не говорил про вас плохо, – перебила Настя

и подумала, что правильнее было бы сказать: «В тех моих воспоминаниях, которые сохранились, я не нашла никаких плохих слов Дениса в ваш адрес».

– Это хорошо, – тихо сказал Утер. – Он не говорил ничего плохого, но, может быть, он думал... Хотя... – Он попытался улыбнуться. – Все это вещи слишком грустные, чтобы их сейчас обсуждать. Мы говорили о тебе и о том, что тебе нужно время, чтобы привыкнуть к Лионее, перебороть свои страхи...

– Знаете, чего я боюсь больше всего?

– Что не найдешь подходящего платья для приема? Это уже моя неудачная шутка, Анастасия.

– Больше всего я боюсь, что я не та, кого вы ждали. Боюсь, что вы спутали меня с кем-то другим.

– Лично я просто хотел увидеть девушку, которую полюбил мой сын. Вот и все, ни больше ни меньше.

– Если честно, то сейчас я даже не уверена насчет «полюбил», возможно, это было просто...

Утер приложил палец к ее губам.

– Это значит, что тебе и в самом деле нужен отдых. Нужно время, чтобы во всем разобраться, чтобы обрести уверенность...

– И если я разберусь и окажется, что я совсем не подхожу для Лионей... Или так – окажется, что я не хочу быть частью Лионей, что тогда?

– Странный вопрос. Ты всегда можешь вернуться домой.

– Да? Это хорошо, потому что... Потому что для меня все это по-прежнему как снег на голову! Потому что я не планировала, не хотела оказаться в такой ситуации, честное слово!

– А кто хотел? Думаешь, я хотел? Но мне-то никуда не деться, Анастасия, это моя семья, моя корона и моя судьба. А ты пока еще просто гостя, и ты можешь остаться гостьей, и никто не вправе... – Утер вдруг схватился за голову, а потом постучал костяшками пальцев по лбу. – Извини за эти не подобающие королевской особе жесты, но мне тоже нужно было собраться с мыслями. Развернуть свои чувства в правильном направлении. Понимаешь, когда я понял, что ты – это ты, я подумал, что тебе не терпится познакомиться с семьей Дениса, что ты не стала дожидаться приема и сразу пошла во дворец, искать меня...

– Вообще-то я осматривала достопримечательности.

– Ну что же, тут есть на что посмотреть. И кстати, я – одна из местных достопримечательностей. Так что ты пришла по верному адресу.

– А что вы делали там, в темноте? Когда я проходила мимо, я ведь вас даже не заметила...

– Пойдем, я покажу тебе.

Утер развернулся и уже без спешки, размеренным королевским шагом направился в обратном направлении, слегка придерживая Настю под локоть. Только теперь Настя заметила, что король прихрамывает.

– Надо бы зажечь свечи, – говорил на ходу Утер. – Чтобы хорошенько рассмотреть...

– По-моему, у меня в мобильнике есть фонарик, – вспомнила Настя.

– Очень кстати, – кивнул Утер. Они остановились за колонной, и Настя сначала не могла сообразить, куда же смотрит король. Потом Утер осторожно направил ее руку с мобильником в нужном направлении, и Настя увидела прямо у себя под ногами какое-то пятно с неровными краями, похожее не то на звезду, не то на кляксу. Сначала она подумала, что это пятно расплзлось поверх напольных плит, но потом стало ясно, что плиты только окружают пятно, само же оно находится чуть ниже уровня пола.

– Что это?

– Следы прошлого, – сказал Утер. – Присядь, посмотри повнимательнее.

Так она и сделала. Следы прошлого оказались не фигуральными, а очень даже настоящими – застывшие отпечатки ступней, что немедленно вызвало у Насти дурацкие ассоциации с отпечатками ладоней на Аллее звезд в Голливуде. Но там-то был цемент, а тут...

– Кровь дракона, – сказал Утер. – Легенда гласит, что именно на этом месте в древности была великая битва и король Томас Андерсон, Защитник людей, убил короля драконов. Он стоял в крови поверженного врага, потом кровь застыла, но следы ног короля остались. И потом на этом месте

возвели дворец, и так далее, и так далее... Это славная древняя легенда, поэтому, если ты спросишь, не завязли ли сапоги короля в этой крови и если завязли, то как же он потом выбрался... Не то чтобы я прикажу отрубить тебе голову за такой вопрос, скорее всего я просто пропущу его мимо ушей.

– Молчу, – сказала Настя. – То есть не совсем молчу. Я поняла, что это следы короля Томаса. Но что вы здесь делаете?

– Сравнивал размер обуви. Опять не смешно? Ну тогда скажем так – я медитировал. Устраивает?

– Меня и ответ насчет размера обуви устроил. Кто я такая, чтобы сомневаться в ответах короля Лионеи?

– Любимая девушка его сына.

– Это не так много.

– Это все, что нужно, Анастасия.

Прошло не так уж мало времени, прежде чем до меня дошла одна простая истина, касающаяся того дня: а ведь Утер уже все знал. Вспомним: около полудня я звонила Армандо, но тот был сильно занят, и его занятость скорее всего была связана с письмом. Напрямую Армандо этого не сказал, но можно было догадаться. На короля Утера я наткнулась почти в пять часов вечера, когда с письмом уже закончили разбираться. И в результате этих разбирательств Утеру потребовалось побыть одному, помедитировать вблизи священных отпечатков Томаса Андерсона.

Подумать на актуальную тему – как бы поступил на его месте легендарный предок? Как раз посреди этих тягостных раздумий на Утера выскочила разговаривающая сама с собой девица, то есть я, и, возможно, король узрел в этом совпадении какое-то знамение...

А может быть, и нет. А может быть, он уже принял решение, и никакие знаменья в целом свете не смогли бы его отвернуть от этого решения.

– Кто я такая, чтобы сомневаться в ответах короля Лионеи?

– Любимая девушка его сына.

– Это не так много.

– Это все, что нужно, Анастасия.

Как мило это было сказано. Я едва не прослезилась. «Все, что нужно», – сказал Утер. Теперь-то я знаю, что в подобных случаях нужно обязательно уточнять: кому нужно? И зачем нужно?

Потому что иногда быть нужной – это не привилегия. Это скорее приговор.

9

Конечно же, Настя забыла про назначенную в пять у КСБ встречу. И у нее была уважительная причина – ведь она по-

знакомилась с королем, и король показывал ей дворец, а потом они сели ужинать в каком-то небольшом, но очень уютном зале, и это было абсолютно по-королевски организованное мероприятие. То есть там были слуги, которые бесшумно сновали вокруг стола, там были старинные картины на стенах, там были огромные свечи в бронзовых подсвечниках, там были мягкие диваны в форме полумесяца. Сначала Настя сидела на самом краешке такого дивана, но потом как-то само собой вышло, что она забралась на диван с ногами, обнялась с большой мягкой подушкой и...

— ...в книжном магазине, представляете? Совершенно случайно. И я понятия не имела, кто он такой, пока мне не сказал Филипп Петрович, а это было уже... Это было совсем недавно.

Король Утер полулежал на таком же диване в нескольких шагах от Насти и внимательно слушал. Ему было достаточно задать пару вопросов, а дальше Настю было не остановить, и, наверное, дело было не только в бокале красного вина, дело еще было в слушателе. Именно король Утер и был тем единственным слушателем, кто имел право на Настин рассказ о Денисе Андерсоне; и теперь получилось, что все предыдущие долгие и мучительные разговоры сначала с Филиппом Петровичем, а потом со Смайли были словно репетициями перед этим главным выступлением.

Она говорила, разворачивая перед королем свою жизнь за последние одиннадцать месяцев и в который раз удивля-

ьясь странному набору событий, которыми ее одарила судьба; удивляясь, что сидящий напротив король карликовой европейской страны оказался частью ее, Настиной, истории, а сама она стала частью истории Лионеи и королевской династии Андерсонов.

Сначала король спросил, как она познакомилась с Денисом, и Настя стала отвечать, но оказалось, что знакомство невозможно оторвать от последовавших событий, и она говорила, говорила, говорила...

Она вспомнила прошлый май и как после случайного знакомства в книжном магазине они с Денисом бродили по городу. Тогда если они и касались друг друга руками, то выходило это совершенно случайно. А потом пришло лето, и их касания стали совсем не случайными и, уж конечно, не ограничивались руками. Настя была студенткой второго курса, а Денис – иностранцем, которого поиски свежих впечатлений завели в Россию. То есть Настя-то и на самом деле была студенткой второго курса, а вот Денис...

Сначала он сказал, что просто путешествует по Европе. Потом он упомянул, что перед своим отъездом из дома поссорился с отцом. Такую мелочь, как королевский титул отца, Денис не стал упоминать, равно как не говорил он о двенадцати Великих старых расах, мир между которыми поддерживается усилиями лионейских королей. Возможно, Денис это делал из лучших побуждений, но последствия получились – хуже не придумаешь.

Разумеется, лучше всего о своих побуждениях и о своих поступках рассказал бы сам Денис Андерсон, однако судьба его по-прежнему оставалась неизвестной, скрытой мраком и изрядным количеством прошедшего времени. Кое-какие догадки насчет произошедшего с Денисом имелись у Смайли, однако Настя решила – пусть лучше Смайли лично излагает королю свои догадки. Она же будет говорить только о том, чему была свидетельницей. Точнее – о том, что ей удалось вспомнить.

– Однажды он попросил меня съездить с ним в одно место... За городом. Это было подземелье, заброшенный склад или что-то вроде того. Там был человек, типа охранника, и он сказал, что я тоже должна зайти в это подземелье вместе с Денисом. Поэтому я кое-что слышала. И кое-что видела.

«Кое-что» означало помимо прочего отрубленную голову. Если бы любая другая девушка обнаружила, что ее парень таскает в спортивной сумке отрубленную голову, она бы по меньшей мере забеспокоилась. И наверное, постаралась держаться от него подальше. А может, и позвонила бы в милицию. Здравомыслящая Монахова точно так бы и сделала, но так ведь речь шла не о Монаховой, речь шла о Насте, и приходилось признать, что тогда Настя не проявила должного здравомыслия. Она немного поволновалась, но потом охотно намотала на уши всю ту лапшу, которую скормил ей Денис:

– ...мы с отцом недавно поругались. Я уехал, не помирил-

ся с ним. Он на меня все еще сердится. Я не хочу, чтобы он сердился. И я хотел ему сделать подарок – антикварный меч, о котором он мечтал. Я нашел меч, договорился с людьми, они согласились его продать...

Согласились продать? Не совсем так, потому что этим, с позволения сказать, людям были нужны не столько деньги, сколько кое-какие услуги. Мелкие одолжения.

– ...они меня попросили забрать в одном месте голову мумии и привезти в этот подвал. Вот и все. Никто никому ничего не отрезал. Это голова человека, который умер давным-давно...

На самом-то деле это была даже не голова человека. Ее бывшего владельца звали граф Артур Валенте, и он принадлежал к расе Детей ночи, проще говоря – вампиров. Голову отделили от тела без согласия владельца, что было само по себе уже нехорошо. Ну и тем более родственников графа Валенте взбесило, что голова исчезла и не могла быть положена в фамильный склеп. Родственников у Валенте было предостаточно, и были они достаточно влиятельны, чтобы заявить о своем возмущении не кому-нибудь, а персонально королю Утеру.

И это была первая за несколько месяцев новость о сыне, которую получил король Утер. Не думаю, что король сильно обрадовался. Если бы Утер был профессиональным истребителем вампиров и фамилия его была, скажем, Хельсинг, тогда конечно, тогда можно было закатывать банкет и сен-

timentально вздыхать: «Дениска убил своего первого вампира... Мальчик совсем вырос! Пора купить ему дизайнерский набор кольев. Или лучше все-таки машину?» Однако Утер был из рода Андерсонов, и его предки уже несколько столетий занимались тем, что поддерживали мир между населяющими землю расами. Так что убийство Артура Валенте не могло обрадовать и уж тем более не могло считаться хорошим началом карьеры для Дениса Андерсона...

Между тем лето неумолимо двигалось к финалу, и для Насти это лето стало счастливейшим временем, потому что рядом с ней был Денис, и если он и продолжал таскать в сумке отрезанные головы и прочий антиквариат, то Настя этого не замечала. Она хотела верить Денису и хотела верить в счастливый финал их истории, поэтому, когда Денис сказал, что хочет вернуться домой, в Лионею, помириться с отцом и привезти с собой Настю... Что ж, для Насти это и было счастливым финалом, до которого оставалась всего лишь пара шагов – нужно было получить визу в Лионейском консульстве и забрать документы на древний меч, подарок, который Денис собирался отвезти отцу как символ примирения...

Минуточку. К этому перечню счастливых хлопот нужно добавить два слова: «Денис говорил». Добавить два слова, как капнуть две капли кислоты на праздничную открытку. Денис говорил, что хочет вернуться домой и взять с собой Настю. Денис говорил, что хочет подарить отцу антикварный

меч. Денис говорил про визу и оформление разрешения на вывоз меча. Все это было просто словами Дениса, и когда наступило шестое сентября, то нарисованная этими словами радужная перспектива потускнела и превратилась в нечто серое, сморщенное и рассыпающееся прямо в руках, остающееся лишь едва заметной пылью на ладонях; пылью, которую остается лишь сдуть и этим отдать последнюю дань обманутым надеждам.

– Горгоны, – медленно повторил король Утер, и было что-то странное в его интонации. Ей-богу, Насте показалось, что в этом темном неприятном слове шустрой змейкой юркнула зависть, но после бокала вина разве можно быть уверенной в таких нюансах?

– Да, – кивнула Настя. – Три сестры. Денис хотел убить их. То есть ему нужна была голова одной из Горгон.

– И он использовал тебя как приманку...

Настя нахмурилась и плотнее обняла подушку:

– Не знаю. Получается, что так, хотя... Хотя я ни в чем не уверена. Вроде бы это мои воспоминания, но я им не верю до конца.

– Зачем Денису была нужна голова Горгоны?

– Чтобы отвезти ее тем людям, в подвал. Это им нужна была голова Горгоны, а что Денис получал от них взамен, я не знаю. Может быть, деньги, может быть, что-то еще. Когда он привез им голову графа Валенте, эти люди были очень недовольны, они ругали Дениса... Я так поняла, что эта го-

лова им не пригодилась, и Денису было важно не облажаться в следующий раз.

– Важно что?

– Важно больше не делать ошибок.

– И он убил Горгону.

– Ну вообще-то... Вообще-то это я ее убила.

Она сказала это и тут же пожалела о сказанном. Бедный король Утер, его сын сбежал черт знает куда, запудрил девушке мозги, разозлил всю вампирскую аристократию и вдобавок не смог убить какую-то несчастную Горгону. С другой стороны, Настя ни за что бы не подарила кому-то другому честь убийства мерзкой твари со змеящимися волосами. Даже если бы ее очень попросили.

Утер если и расстроился, то не подал вида; тем не менее Настя постаралась подсластить пилюлю:

– Сначала Денис с ней сражался и уже почти совсем ее прибил... Но так получилось, что голову ей отрубила я, – Настя решительно махнула рукой, показывая, как именно рубила ее недрожащая рука. В принципе, к этому воспоминанию можно было тоже отнестись с подозрением, но Насте очень хотелось верить в решительные взмахи своей твердой десницы. – И Денис попросил меня срочно отвезти эту голову тем людям в подвал... – продолжила она и вдруг придумала, как ободрить Утера. – А Денис... Знаете, он, наверное, хотел сам убить остальных Горгон и поэтому остался.

– Наверное, – согласился Утер. – А вот эти люди в подва-

ле... Кто они были такие? Зачем им были нужны эти головы?

– Не знаю, зачем это было нужно, но... – Настя поежилась, припоминая холодный мрачный подвал, в котором шныряющие по полу крысы были далеко не самым пугающими обитателями. – У них там дело было поставлено на широкую ногу.

– Как это?

– Там была стена... – Настя развела руками, показывая размеры. – И она вся была завешана рисунками, портретами...

– Портретами?

– Портретами всяких-разных... существ, – наконец подобрала она приличное слово. – Я так думаю, что они хотели собрать их всех. Страшненькая, должно быть, коллекция...

– Ты помнишь этих людей? Как они выглядели?

– Помню. Люди как люди, один – Ключник, он был типа сторожа. А второй, молодой парень, он взвесил голову Горгоны на весах и по весу заплатил мне. Почему-то испанскими дублонами. У меня все равно потом ни одной монеты не осталось...

– Их было двое?

– Их было трое, и третий, наверное, был главным. И третий...

Утер поощрительно кивнул.

– И третий был пострашнее остальных. Он был как будто... как будто не очень человек. Длинный, бледный и лы-

сый. Похож на препода философии у нас в университете... Хотя... – задумалась Настя. – Препод, наверное, все-таки человек. А этот... А этот... Он был в каком-то балахоне... И ходил очень тихо. И ходил босиком, вот! А еще... А еще там был голос в телефонной трубке.

– Голос?

Настя рассказала про голос и про то, как она узнала, что голос этот говорил на Первоначальном языке.

– А потом я убежала оттуда, я хотела вернуться за Денисом... То есть сначала я думала, что они, из подвала, помогут мне, поедут со мной и помогут Денису. Я думала, что это его друзья. Но, во-первых, им было плевать... А во-вторых, потом они все умерли. И я поехала назад, и по дороге я увидела ее...

Настя замолчала. Вновь она не была уверена в истинности этой картинки, но память упрямо рисовала одно и то же – рыжеволосую девушку на обочине дороги. Она стоит, засунув руки в карманы куртки, и смотрит на проезжающую машину, в которой сидит Настя. И словно под воздействием этого взгляда водитель внезапно падает грудью на рулевое колесо, а мотор глохнет, и машина замирает посреди пустынной дороги. Время замирает. Мир съезживается, и Настя оказывается один на один со странной рыжеволосой девушкой, которая приветствует Настю следующими словами:

– Ну что?! Думаешь, тебе это сойдет с рук?! Так ты думала, да?!

Потом Настя оказывается на земле, а ее разум погружается во тьму. Когда она проснется, то окажется в больничной палате с зарешеченными окнами. Когда она проснется, то почувствует себя вынесенной за координаты времени и пространства.

Когда она проснется, это уже будет совсем другая история.

Вчера мы снова повстречались с королем Утером, но это было совсем не похоже на то наше первое randevу – среди колонн и исторических реликвий. Мы просто увидели друг друга, и все. Я автоматически кивнула, а Утер, по-моему, не сделал и этого. Если он и кивнул в ответ, то сделал это очень сдержанно, практически незаметно. Как и положено королю.

Потом я подъехала на велосипеде к дверям отеля «Оверлук» и прыгнула на землю, Утер шагал в сторону дворца, сопровождаемый личным секретарем. Мы снова ничего не сказали друг другу. Не потому, что сказать было нечего, а потому, что оба понимали – от слов все может стать еще хуже. Хотя иногда мне кажется, что хуже быть уже и не может.

– Ты снова проехала на красный свет, – ехидно замечает Иннокентий, и ему я столь же автоматически показываю средний палец. Светофоры в городе по-прежнему работают, только вот никакого уличного движения не наблюдается, поэтому красный или зеленый – без разницы. Рай для

одиноким велосипедистки вроде меня. Рай, в который никого калачом не заманишь. Замечание Иннокентия напоминает о том, что совсем недавно в Лионее было уличное движение, и было оно настолько организованным, что казалось, и голуби тут летают по сигналу светофора. Это было недавно. И этого уже нет.

Иннокентий стоит посреди улицы и улыбается. Его лицо, что называется, окончательно «село», и теперь Иннокентий выглядит лет на сорок. Что примерно раз в пятьдесят меньше его истинного возраста. Я говорю «примерно», потому что заниматься точными вычислениями мне не хочется. У меня и без того иногда мурашки по коже бегают, когда я вспоминаю, что возраст моего приятеля – четырехзначное число. Не меньше.

– Какие новости в городе?

Я хочу напомнить ему, что вообще-то новости закончились, что была одна такая новость, после которой уже бессмысленно ждать чего-то еще. Но потом я решаю, что надо быть помягче с людьми. И не только с людьми.

– Во всех магазинах сплошные распродажи, – отвечаю я. – Скидки до ста процентов. Только продавцов почему-то нет. Ни одного. Не с кем проконсультироваться.

– Я могу стать твоим продавцом-консультантом, – с энтузиазмом отзывается Иннокентий. – Особенно если дело касается нижнего белья...

– Отвали, – говорю я и невольно улыбаюсь. Вот уж дей-

ствительно, горбатого могила исправит. Не то чтобы Иннокентий был горбат и не то чтобы могилы производили на него сколь-нибудь сильное впечатление... Смысл в том, что у нормальных людей ожидание Конца Света вызывает совсем другие мысли. Они молятся, сметают с полок магазинов консервы и свечи, едут в какие-то богом забытые места, надеясь, что они и впрямь забыты всеми силами природы и не входят в понятие Свет, а стало быть, и Конец Света их не затронет. Некоторые так называемые нормальные люди и вовсе решают напакостить Концу Света – пускают себе пулю в лоб заранее, из вредности, чтобы испортить отчетность.

Иннокентия в это нервное время волновало женское белье. Хотя скорее всего он просто прикидывался. Из вежливости.

– Вообще-то... – сказала я.

Иннокентий заинтересованно повернулся.

– С бельем я как-нибудь сама разберусь, – сразу уточнила я. – Но в том салоне – на площади, знаешь, да? – там я видела симпатичные куртки...

– Симпатичные? Они просто шикарные! – перебил меня Иннокентий. – И еще там почти нетронутая весенняя коллекция итальянской мужской обуви...

Мы посмотрели друг на друга с интересом.

– Нас ведь не арестуют? – спросила я. – То есть я в курсе, что ни полиции, ни гвардейцев в городе нет, но все-таки...

– Мы напишем расписку, – сказал Иннокентий. – То есть ты напишешь расписку.

– Почему я?

– У меня нет денег.

– У меня тоже.

– У короля Утера есть, а ты как-никак имеешь к нему отношение...

– Я имею к нему такое отношение, что мы с ним не разговариваем.

– Он может обналичить твою расписку и молча. Хотя о чем мы вообще говорим? Какие шансы, что хозяева магазинов вернутся?

– Маленькие? – предположила я.

– Ноль, – отрезал Иннокентий. – Так что обойдемся без расписок.

Я взобралась на велосипед и съехала с тротуара на проезжую часть. Через пару секунд я обогнала Иннокентия и умчалась вперед, на площадь, где стала кружить возле салона, поджидая неторопливо вышагивающего Иннокентия. Манекены в витринах приветливо мне улыбались, и все это было похоже на катание на велосипеде по залам закрытого музея. В эти минуты мне нравилась Лионя, нравились ее тишина и запустение, которые на самом деле не сулили ничего хорошего. Тишина и запустение наводили меня на мысли о беззвучно утекающем времени, а точнее, на мысль о том, что Лионя существовала до меня и, скорее всего, будет су-

ществовать после меня. Хотя бы какая-то еечасть.

Я слезла с велосипеда и прислонила его к фонарному столбу. Потом отошла в сторону и посмотрела. Ну что ж, вот так это, наверное, и будет выглядеть: Лионея, пустая площадь, небо, ленивые толстые голуби, ничейный велосипед. Манекены в витрине будут все так же улыбаться, но не мне.

Впрочем, это будет уже совсем другая история.

10

Тени и отблески свечей складываются в подрагивающую маску, и Настя видит перед собой уже не просто грузного мужчину лет шестидесяти, она видит перед собой короля, чьи плечи несут на себе величие предшествующих поколений, чьи морщины оставлены не семейными скандалами, а тяжким бременем заботы о людях, и не только о людях, о мире и бог весть еще о каких сложных вещах. Утер стал похож на свой портрет, как если бы тот был написан триста лет назад; при неярком пламени свечей какие-то детали этого портрета могли потеряться, однако главное оставалось, и Настя видела это в Утере.

И было странно, что в Денисе не чувствовалось и малой доли того главного.

– С тобой случилось много интересных событий, – подвел итог Утер. Настя хотела было сказать, что это еще не все, что ей зашили под кожу червя-беспамятника, что она несколько месяцев прожила в доме Михаила Гарджели, что там она нашла Иннокентия и помогла ему бежать...

Но потом она сообразила, что Утер знал это и без нее, что Смайли наверняка представил ему подробный доклад на тему «Ох уж эта Настя» и что сегодняшние расспросы были просто проявлением вежливости, признанием, что Насте крепко досталось по дороге в Лионею и что это не осталось незамеченным.

– Но теперь все будет хорошо. Теперь ты в Лионее.

– Ага, – сказала Настя, безусловно соглашаясь со второй частью фразы и отказываясь воспринимать всерьез первую.

– Ты уже успела посмотреть город?

Настя сделала неопределенный жест, означавший что-то вроде – ну да, конечно, кое-что я посмотрела, но вы же понимаете, что за один день просто нереально...

– У тебя еще будет время, – успокоил ее Утер. – А что бы ты больше всего хотела увидеть в Лионее?

Тени и отблески свечей, оживший портрет трехсотлетней давности, мягкий диван, затерявшийся где-то в недрах темной легенды... Ответ напрашивался сам собой.

– Дракона. Я хотела посмотреть на дракона.

Молчание тянулось бесконечно, и Настя подумала, что по глупости нарушила какой-то старый местный обычай, типа

– не поминай дракона за ужином...

– Я тоже, – ответил Утер.

– А?

– Я тоже хотел бы посмотреть на дракона. Я мечтал об этом, еще когда был ребенком. Но... – Утер пожал плечами и замолчал, задумался, забыл о Насте; соскользнул по потрескавшимся ступенькам памяти куда-то вниз, куда Настю не приглашали, да и вряд ли вообще когда-нибудь приглашали посторонних.

Она терпеливо ждала, когда Утер вернется и хотя бы завершит неоконченную фразу, потому что ей, черт побери, действительно хотелось увидеть дракона, а еще больше ей хотелось понять, куда же она попала. И если все рассказы Смайли – правда, то какие тогда могут быть проблемы с драконами?! Она ведь хотела просто посмотреть, не больше.

А если все это вранье, то... Получается, что это большой красивый европейский сумасшедший дом. Поэтому и туристы сюда не ездят.

Настя осторожно приподнялась с дивана. Утер не пошевелился. «Все было очень здорово, – мысленно проговорила Настя, репетируя свою прощальную речь. – Но уже поздно, мне пора спать, потому что... Потому что уже поздно. В гостях хорошо, а в гостинице лучше. Всего хорошего и спасибо за ужин...»

Мысль об имевшем место ужине пробудила в Насте простое и весьма разумное желание захватить с собой пару яб-

лок. Не в качестве сувенира о посещении королевского дворца, а для вполне прозаической потребности пожевать перед сном. Пока доберешься до гостиницы – наверняка есть захочется. Настя тремя пальцами, словно автоматическая рука-краб в игровом автомате, захватила яблоко из вазы, переложила его в другую руку, потом потянулась за вторым...

В этот момент хлопнула дверь, в комнату вошла Амбер Андерсон, а король Утер проснулся. Его рассеянный взгляд скользнул по Насте, потом коснулся дочери...

Потом Утер уставился на бокал из-под вина, и лицо его было таким, словно он сожалел о нечаянном пробуждении. Может быть, и о других вещах сожалел король Утер, и, может быть, эти вещи действительно были достойны сожаления, только Настя не выдержала этой вязкой тишины, от которой и воздух в комнате будто бы стал холоднее.

– Что мне нравится в Лионее, – сказала она, стараясь не встретиться взглядом ни с Утером, ни с Амбер, – так это яблоки. Они у вас такие... круглые... И вообще.

Она подняла глаза и увидела, что Андерсоны смотрят на нее так, будто она вот-вот сообщит им какую-то невероятно важную вещь. Настя не знала такой вещи, поэтому ей стало неудобно; снова возникло это гадкое ощущение, словно она выдает себя за кого-то другого, словно от нее ждут каких-то слов и дел, каких она не знает и не умеет исполнить...

Поэтому единственное, что она могла сказать сейчас Андерсонам:

– Я пойду спать. Всего хорошего.

По-прежнему сжимая в руке яблоко, она направилась к двери, и Амбер Андерсон отступила в сторону. В эту секунду их разделяло меньше метра, и Настя вдруг поняла, что Амбер примерно одного с ней возраста и одного роста. Тогда, в аэропорту, она казалась и выше, и старше, и значительнее; может быть, из-за своего костюма, может быть, из-за микроавтобуса и кучи сопровождающих лиц... Может быть, просто потому, что Настя боялась Лионеи и всего, что ей здесь могло встретиться. Сейчас Амбер была в длинном халате, накинутом поверх пижамы, в тапочках, и, хотя это не делало ее милой и домашней, этого было достаточно, чтобы Настя перестала беспокоиться на ее счет. Амбер Андерсон была просто сестрой Дениса, ни больше ни меньше.

Настя вышла из комнаты и оказалась в длинном коридоре, увешанном портретами в массивных старинных рамах. Было слишком темно, чтобы изучать эти живописные произведения, да и к тому же больше всего Насте хотелось сейчас выбраться из дворца и оказаться на своей собственной территории, а такой территорией у нее был гостиничный номер. Оставалось только сообразить, в какую сторону...

– Did you tell her?

Дверь в комнату тоже была старинной и тяжелой, поэтому она не закрылась до конца, да и Амбер говорила достаточно громко. Утер ответил ей тоже по-английски, и поскольку Настя не сомневалась что «her» – это она, то, следовательно,

она вправе знать, что замышляют на ее счет эти повелители мира....

Или эти сумасшедшие.

– Ты сказал ей? – спросила Амбер.

– Нет, – не сразу отозвался Утер. – Я не сказал. Не смог.

– Но ты собираешься сказать?

– Послушай...

– Я сама могу это сделать, если для тебя это проблема.

– Амбер, твой странный энтузиазм в этом вопросе... Он заставляет меня нервничать.

– Я хочу быть полезной.

– У меня достаточно полезных людей, которым я могу давать приказания. У меня есть Смайли. У меня есть Фишер. У меня вообще много кто есть, дорогая. Я вообще-то король Лионеи.

– Я помню. У тебя много слуг. Но у тебя только один наследник. Это я.

– Амбер, ради бога...

– Тебе неприятно это слышать, но это так. Ты можешь надеяться, что нам удастся спасти Дениса или что случится чудо и вдруг вернется Александр...

– Амбер...

– Но пока этого не случилось, у тебя есть только я.

– Ну тогда не забудь и про Алису.

– Ей одиннадцать лет.

– А тебе двадцать один, дорогая, и я не вижу здесь прин-

ципиальной разницы. Если вдруг случится кризис... Ты понимаешь, о чем я? Так вот, если вдруг будет кризис и меня не станет...

– Отец...

– Так вот, ни ты, ни Алиса не спасете Лионею. Поэтому...

– Я тренируюсь каждый день, я...

– Поэтому нам обязательно нужно вернуть Дениса... И поэтому я сейчас догоню Анастасию... И скажу ей...

Настя отпрыгнула от двери, пробежала несколько шагов по коридору, потом обернулась и сделала растерянное лицо как раз в тот момент, как открылась дверь:

– Я не могу найти выход...

– Иногда я тоже не могу его найти, – ответил Утер. Амбер молча стояла за его спиной: руки в карманах халата, отсутствующий взгляд. Единственный наследник. Наследница.

– Пойдем, – Утер приобнял Настю за плечо. – Я провожу тебя. Тем более мне надо тебе кое-что сказать...

После этих слов он замолчал и молчал на протяжении всего извилистого маршрута по дворцу, финальной точкой которого стали те самые ступени, по которым Настя вошла в королевский дворец несколько часов назад.

Затем он заговорил:

– «Оверлук». – Утер ткнул пальцем в сверкающие буквы, зависшие в темном небе. – Его сложно не заметить. Это совсем рядом.

Настя кивнула.

– Маленькая страна, – продолжал Утер. – Есть свои недостатки, но есть и преимущества. Например – все рядом, поэтому...

– Вы хотели мне что-то сказать.

– Да.

Утер снова посмотрел вверх, туда, где над затейливыми крышами старых домов торчала сияющая огнями башня отеля «Оверлук». Сейчас она показалась Насте похожей на устремленный к звездам космический корабль.

– Я хотел тебе сказать, что тоже не видел драконов. Ни разу. При том что я – король Лионеи. Встречался с драконовскими юристами, но самого дракона... – он вздохнул и покачал головой. – Увы.

– Это то, что вы хотели мне сказать? – уточнила Настя.

– Да.

– Понятно.

– Еще я хотел сказать, что иногда найти выход оказывается не так просто. Но это не значит, что его вообще нельзя найти.

– Это вы про дворец?

– И про дворец тоже.

Настя нашла «Оверлук» без особых проблем и незамедлительно была найдена сама. Она только подошла к лифту, как услышала за спиной деликатное покашливание.

– Армандо? – Тут она вспомнила про пятичасовую встречу и приготовилась извиняться, но Армандо не ждал извинений, он просто хотел показать Насте, кто ее ждет на диване посреди гостиничного вестибюля. Смайли был хмур, и долгое ожидание наверняка не улучшило его настроения. Настя построила извиняющуюся физиономию, однако донести ее до Смайли не получилось – она увидела, как смешно дергаются не достающие до пола ноги гнома в маленьких ботиночках, и расплылась в дурацкой улыбке. Смайли показал Насте кулак.

– Я не смогла прийти к пяти часам, – начала она оправдываться прямо на ходу, исходя из принципа «лучшая защита – это нападение». – Потому что я была у короля, и мне кажется, что это очень даже уважительная при...

– Я знаю, – ответил Смайли. – Знаю, где ты была и с кем ты была.

– Что это значит – «с кем ты была»? – Настю несло по дороге оправданий все дальше и быстрее. – Ты думаешь, у меня тут есть какая-то личная жизнь? За весь день я разговаривала только с таксистом, ясно? Осмотр достопримечательностей и все такое. Между прочим, он оказался оборотнем. Это ты тоже знал?

– Я про короля. Он сказал тебе?

– Нет, он не смог.

Некоторое время они изучающе смотрели друг на друга, словно подозревая, что собеседник не является тем, за кого себя выдает, или по крайней мере знает больше, чем ему положено.

– Откуда ты знаешь, что он хотел тебе что-то сказать, но не смог?

– Догадалась. По выражению лица.

– Да?

– Я же не дура.

– А-а.

– Так что он должен был мне сказать?

– Письмо, которое мы привезли. Письмо Горгон, которое передал Люциус для короля...

– Я знаю, про какое письмо ты говоришь. У нас было только одно письмо, в конце концов!

– Хорошо, хорошо...

– Что там было?

– Присядь, – ласково сказал Роберт Д. Смайли, начальник королевской службы безопасности, и бонусом к этому ласковому слову прилагался тяжеловесный взгляд, в котором читалось – если ты, милочка, немедленно не сядешь, то вся королевская конница и весь королевский спецназ усадят тебя рядом со мной...

Тем не менее Настя поупиралась для виду:

– Я не собираюсь падать, так что...

– Все равно присядь.

– Уже сижу, – вздохнула она и присела на край дивана. – Что дальше?

– Две новости, Анастасия, хорошая и плохая. Хорошая – Денис жив, плохая – он у Горгон. Тогда у «Трех сестер», когда ты уехала, а он остался, все кончилось для него не очень удачно.

– Это не новости, Роберт, это было понятно и раньше. Это даже мне было понятно, а уж ты наверняка сообразил еще быстрее – с чего бы это Горгонам писать письма королю Утеру? Разве что они держат в плену его сына. Ну и что там еще? Почему они только сейчас дали о себе знать? Чего они хотят? Выкуп?

– Да, что-то вроде этого. Деньги, гарантии неприкосновенности на двести лет, самолет в Южную Америку... Но не это главное.

– А что?

– Главное, они хотят получить убийцу своей сестры.

– Сестры?

– Той Горгоны, которую убили в «Трех сестрах».

– А-а, понятно. Стоп. Убийца их сестры...

Смайли медленно кивнул, словно видя, как Настины мысли наконец-то выстраиваются в правильном порядке и поощряя это перестроение кивком.

– Это... Это я, что ли?

– Почему я и предложил тебе сесть.

Настя огляделась по сторонам, отметила, что помимо Армандо в вестибюле присутствуют еще как минимум трое людей Смайли, и поняла, что убежать она уже не успеет.

ИНТЕРЛЮДИЯ НОМЕР ОДИН

1

Тот год был страшен не столько голодом, болезнями, войной и еще сотней разных напастей, а тем, что он ничем не отличался от года предыдущего и от того года, что был еще раньше. Время словно слилось в единую черную пелену, и эта пелена накрыла землю навсегда. Не было ровным счетом никакой, даже самой маленькой, надежды на то, что когда-нибудь настанут те светлые времена, о которых вздыхали в своих песнях бродячие музыканты. Где-то на севере шла война, и славные рыцари короля Томаса совершали небывалые подвиги во славу рода человеческого, и возможно, что своим геройством они меняли судьбу мира... Возможно. Но ведали о том, пожалуй, лишь сами эти рыцари да пара городских грамотеев. Для простых же деревенских жителей мир оставался такой же жестокой шуткой, как и для их отцов; надо было принять его простые правила и постараться получить от жизни хоть что-то, прежде чем болезни, голод или чужая злая воля положат этой жизни предел. Запирай двери покрепче, подальше прячь запасы еды

и надейся, что если в деревню нагрянут чужаки, то сначала они наведаются к соседу, а не к тебе. Какие именно чужаки – неважно; горький опыт накрепко выучил крестьян, что хороших чужаков не бывает.

Поэтому никто не вышел навстречу одинокому всаднику, въехавшему в деревню перед закатом. За ним следили исподтишка, давясь страхом и завистью: чужак же внимательно посматривал с высоты седла, и взгляд его говорил, что всаднику приходилось видеть сотни таких деревушек и ни за одну из них он не дал бы и ломаного гроша и что весь этот вонючий деревенский сброд – лишь грязь под копытами коня заезжего рыцаря. На мысль о воинственных занятиях приезжего наводил тусклый блеск доспехов под плащом и зловеющий контур ножен у левого бедра всадника.

В этот предзакатный час деревня затихла – в надежде, что у чужака нет никаких зловещих планов, что он не привез из города никаких вестей, ни плохих, ни хороших, ибо крестьяне давно были научены жизнью, что лучше не надо никаких новостей вообще, потому что даже новости, по первому взгляду хорошие, имели обычай превращаться в дурные, а те, что и поначалу выглядели дурными, затем легко превращались в ужасающие. Крестьяне ждали, что зло в обличье незнакомого всадника просто минует их, сгинет в вечернем сумраке и можно будет перевести дух и сказать, что сегодня нам повезло – никто не был убит или покалечен, ничей дом не был сожжен, ничья дочь или жена не под-

верглись надругательству. Все остались при своем, а значит, надо воздать хвалу богам, поскольку следующий день может и не стать таким удачным.

Каждый неторопливый шаг коня приближал всадника к центру деревни, и при благополучном развитии событий там всадник должен был свернуть налево, чтобы направиться к мосту через реку и далее к старой дороге на запад.

Всадник повернул направо, и это было не совсем хорошо. То есть это было не так плохо, как если бы всадник принял жечь дома, рубить пополам местных жителей или зачитывать королевские указы о новых податях, однако поворот направо был неправильным поворотом. Рано или поздно всадник должен был это обнаружить, вернуться исполненным ярости в деревню и приняться жечь дома, рубить пополам людей и зачитывать оставшимся в живых королевские указы.

Поэтому кто-то должен был предупредить чужака. Пока все не стало совсем худо.

Это с одной стороны. С другой стороны, местные жители не были уверены, что всадник благожелательно отнесется к тому, что какая-то деревенщина вдруг выбежит на дорогу и станет учить заезжего рыцаря, какой поворот правильный, а какой неправильный. Вместо благодарности вполне можно было нарваться на отсечение головы. Поэтому люди семейные и рассудительные остались сидеть по домам. На дорогу вышел трактирщик, у которого семьи не

было, да и трактира, честно говоря, тоже. Было четыре стены, которые только по привычке именовались трактиром, остальное было утрачено, причем так давно, что и сам трактирщик не мог точно сказать, кто же были те чужаки, что избавили его от последней утвари, хромой кобылы, двух бочек кислого вина и всей зимней одежды. Заодно трактирщик лишился тогда левого уха и двух пальцев на правой руке, зато приобрел шрам через все лицо. Красоты ему случившееся не добавило, но жена по этому поводу не ворчала, по той простой причине, что лежала в земле. Чужаки, насытив свою похоть, ткнули ей мечом в живот, вероятно, чтобы избавить от душевных мучений. Учитывая это обстоятельство, стоит предположить, что чужаки были все-таки людьми. Хотя во времена столь смутные нельзя быть ни в ком уверенным до конца, и трактирщик знал это лучше многих других.

Поэтому он не стал приближаться к всаднику, он остановился на обочине, склонил голову и достаточно громко проговорил:

– Дорога к мосту в другой стороне, господин.

Всадник молча ехал дальше, и трактирщик подумал, что его не расслышали:

– Доро...

– Мне не нужна дорога к мосту, – сказал чужак, не поворачивая головы.

Трактирщик не сразу понял, а когда понял, то не смог

удержаться и выдохнул изумленное:

– А-а...

Конь послушно встал, повинуюсь движению поводьев, а трактирищик с запозданием прикрыл рот рукой. Он подумал, что, пожалуй, еще сумеет убежать и избежать возмездия за свое непрошеное изумление, а потому стал потихоньку пятиться.

– Ты знаешь, что мне нужно? – спросил чужак.

– Да, господин, – пробормотал трактирищик, не переставая отступать назад. – Наверное, господин.

– Это ведь недалеко, так?

– Вы на верном пути, господин...

– Я знаю, – сказал всадник.

Трактирищик согласно кивал и пятился, пока не сообразил, что силуэт всадника уже слился с подступающей тьмой; а значит, можно было выпрямиться и пойти домой, то есть в те четыре стены, которые когда-то были ему домом. По дороге ему встретился старейшина; он дрожал то ли от холода, то ли от страха, то ли от всего вместе.

– Куда поехал этот господин? – прошамкал старик.

– Туда, – трактирищик махнул рукой. – В горы.

И чтобы старик окончательно понял, трактирищик добавил:

– К Ней.

Старик скрипуче рассмеялся и многозначительно нахмурил косматые седые брови, словно знал некую тайную ис-

тину. На самом деле он знал ровно столько же, сколько и трактирищик, и все остальные. Но старейшина был тщеславен, и распиравшее его тщеславие с кряхтением прорвалось наружу словами:

– А ведь давно... Давно никто не ездил к Ней...

Трактирищик кивнул. Он подумал, что, будь он помоложе, поздоровее и похрабрее, он бы незаметно увязался за чужаком. Чтобы потом, когда все будет кончено, забрать себе этого великолепного коня. И чем черт не шутит – может, удалось бы снять и сапоги с трупа...

Но трактирищик был немолод, увечен и труслив (что по нынешним временам стоило считать благоразумием), а потому не строил иных планов, кроме как прожить еще один день, еще одну зиму, еще один год.

Проехавший через деревню всадник был, напротив, молод, силен и отважен, а потому планы имел куда более грандиозные. Что более важно, его планы имели обыкновение исполняться. Когда-то этот всадник жаждал отличиться на поле битвы, и такой час настал. Когда-то он мечтал о покорении женских сердец – судьба послала ему и это. Он грезил о богатстве, и оно не замедлило явиться в виде военных трофеев. Он хотел быть замеченным королем, и король Томас не смог пренебречь таким блистательным рыцарем.

А потом он узнал о своем Предназначении, и это знание мгновенно затмило славу, богатство и плотские наслаждения; точнее, превратило эти вещи в ничто, в подобие

грязи, по которой вышагивал конь рыцаря, знающего, что движется в единственно верном направлении. Знание было явлено ему во снах и было названо его личным Предназначением. Это стало причиной того, что рыцарь покинул королевскую службу, оставил охваченные бесконечной войной северные земли и приехал сюда, в запустелый разграбленный край, где одичалая чернь непонимающе таращилась ему вслед и где долгому пути рыцаря суждено было обрести славное победоносное завершение.

Когда дорога начинает подниматься вверх, рыцарь спешивается, отводит коня в сторону и привязывает к дереву. Остаток пути надо проделать пешком, ни в коем случае не торопясь, не теряя осторожности, ибо еще не все испытания преодолел рыцарь на пути к своему Предназначению.

Наступает ночь, но в свете звезд видна вершина горы, и рыцарь упрямо идет к ней, раздвигая еловые ветви, огибая внезапно возникающие на пути огромные камни. И внезапно он видит впереди огонь, крохотную точку пляшущего пламени посреди опустившейся на землю тьмы. Рыцарь перестает дышать. Его движения становятся еще более медленными и осторожными. Он опускается на колени, ставит перед собой заплечный мешок и развязывает узел. На мгновение рыцарю кажется, что это подходящий момент для прочтения молитвы. Затем он понимает, что никакая молитва не искупит грех, который он собирается совершить во имя своего Предназначения. Поразмыслив, рыцарь решает

заменить молитву перчаткой – натянув ее на правую руку, он вытаскивает из мешка деревянную трубку. Теперь можно будет сказать, что согрешил не рыцарь, а его перчатка; именно она коснулась запретного предмета, колдовского предмета. В родном краю рыцаря за подобные преступления сжигали на костре, и пожалуй что поделом, ведь колдовские предметы были сделаны руками не людей, а гномов, а тем, как говорят, это знание перешло от демонов... Но сегодня колдовство будет использовано во имя высокой цели. Рыцарь знал это наверняка, так было сказано в его видениях, и не просто сказано, но и еще был показан рыцарю путь в Темный город, пограничное место, не принадлежавшее ни людям, ни демонам, ни драконам. Это был клочок земли, где люди и демоны, ночные кровососы и лесные твари могли беспрепятственно встречаться и обделывать разные темные дела. Здесь все продавали и покупали всё, от драгоценных камней и заговоренных мечей до юных девственниц, драконьего огня и заклинаний, столь мощных, что иногда пергамент, на котором они записывались, не выдерживал и вспыхивал ярким и быстрым огнем. Говорили, что в этот мерзостный город наведывался по каким-то своим делам даже король Томас, но то великий Томас, защитник рода человеческого! Рыцарь же с трудом сдерживал тошноту, пока пробирался по узким улочкам Темного города к явленной ему во снах лавке мрачного одноглазого гнома. Рыцарь назвал свое имя, и гном вытащил из лавки четыре предмета,

при виде которых рыцарь не смог сдержать брезгливую гримасу. Гном не обратил на это внимания. Он просто сложил вещи в мешок рыцаря и отказался брать деньги. Наверное, у гнома, как ни отвратительна была рыцарю такая мысль, тоже существовало Предназначение, и, отказываясь от платы, гном исполнял именно его.

И вот теперь рука в перчатке сжала трубку и поднесла к глазу рыцаря. Вставленный внутрь трубки волшебный кристалл ухватил дальний огонь костра и увеличил его так, чтобы рыцарь смог все разглядеть в деталях. Хотя была ночь, а костер находился за несколько сотен шагов, рыцарь отчетливо увидел две фигуры возле костра. Это были Стражи, двое из семи. Один Страж спал, накрывшись плащом, другой смотрел на огонь и строгал широким ножом какую-то деревяшку. Этот нож не был его единственным оружием, рядом лежали секира и круглый щит. Рыцарь видел этих двоих, а они даже не догадывались о его присутствии. Такова была демоническая сила волшебной трубки, и рыцарь, не выдержав, взмолился про себя о даровании победы славному воинству короля Томаса, ибо не должны жить на земле существа, владеющие столь могучей магией!

Однако пока полная победа рода человеческого еще не наступила, чужеродному волшебству стоило найти достойное применение.

Рыцарь поднялся с колен и двинулся дальше. Теперь он знал, где находятся двое Стражей, оставалось найти

остальных. Рыцарь знал, что с этим не стоит спешить. Нужно дождаться самого темного часа, который предшествует рассвету; в этот час сон Стражей станет глубоким, а бодрствующие Стражи устанут и утратят бдительность.

Вот тогда им и явится смерть в обличье рыцаря с его магическими дарами.

Когда невидимые глазу птицы начинают неуверенно выкликать рассвет, рыцарь вытягивает из ножен длинный узкий клинок со змейкой на рукояти, свой излюбленный итальянский трофей. В нескольких шагах от рыцаря, в небольшой расщелине дремлет Страж. Рыцарь уже знает, что к чему, – Стражи расположились полумесяцем по склону горы, а увиденный им костер был центром их позиции.

Рыцарь выпрямляется в полный рост и шепчет:

– Я пришел. Я готов.

Дремлющий Страж вздрагивает словно от приснившегося кошмара, но подлинный кошмар случается с ним наяву, когда рыцарь бьет итальянским кинжалом в шею Стража и тащит рукоять слева направо, разрезая шею напополам. Кровь брызжет на грудь Стража, на камни, на руку, сжимающую кинжал. Да, этот день начнется с крови, и ею он продолжится.

Теперь Стражей осталось шесть. Рыцарь уже не таится, он быстрыми шагами идет исполнять свое Предназначение. Из-за деревьев возникает широкоплечий Страж, но ры-

царь не замедляет хода, потому что в его руке зажат второй магический предмет, небольшое приспособление из дерева и металла, по форме похожее на крест. Движение пальцем, в грудь Стража летит металлическая стрела и пробивает доспех. Вторая стрела вонзается Стражу в глаз, и жизнь уходит из могучего тела.

Рыцарь проходит мимо. Осталось пять.

Двое из пяти по-прежнему у костра, и для них у рыцаря приготовлен третий магический дар. Он похож на комок несвежего теста размером с яблоко, и рыцарь швыряет это «яблоко» в костер. Страж у костра оборачивается на звук и хватается за секиру, но уже поздно, потому что костер превращается в огромный огненный шар, который поглощает не только обеих Стражей, но и все, что было вокруг на несколько шагов. Куски земли и ветви деревьев летят в небо. Жар ударяет в лицо и потрясенного рыцаря, но он удерживается на ногах, как раз вовремя, чтобы обнажить меч и принять бой с очередным Стражем. Теперь никаких магических фокусов, теперь это просто честный бой отважных воинов, один из которых в шаге от исполнения своего Предназначения, и это утраивает его силы.

Страж бьется молча, и единственным звуком, исторгнутым из его уст, становится возглас удивления в момент, когда рыцарь вонзает свой меч в живот Стражу. Для верности рыцарь вдавливая рукоять до конца, потом резко выдергивает пахнущий кровью клинок и толкает пронзенно-

го Стража в грудь. Тот падает мертвым, и это означает, что у рыцаря осталось всего два противника.

Разгоряченный боем рыцарь озирается в поисках врагов и неожиданно видит, что один из двух Стражей не был испепелен огненным шаром, он лишь обожжен, оглушен и теперь пытается приподняться с земли. Его одежда дымится, его тело дергается в судорогах, рыцарь бросается к нему с занесенным мечом и внезапно понимает, что это не человек. Изумленный, рыцарь отступает назад, ему кажется, что это колдовской морок, насланный на него враждебными силами. Но потом он с силой пинает Стража в бок, переворачивает обожженное тело и видит перед собой омерзительную лесную тварь, мохнатое длиннорукое создание, воющее от боли. На шее у лесной твари – серебряный медальон Стража. Рыцарь не раздумывая вонзает меч в злобное сердце лесной твари, потом долго вытирает с лезвия черную кровь и с ужасом думает об извращенном разуме, который заставил людей нести службу Стража вместе с лесными тварями. Как мог человек сидеть у одного костра с зеленым уродом, и не одну ночь, а сотни таких ночей! Без магии тут не обошлось, а стало быть, рыцарь поступил правильно, что использовал против этой магии свои сюрпризы.

Но сюрпризы имелись не только у него.

Миновав черное пятно, оставшееся после огненного шара, рыцарь подошел к скале и увидел высеченный в камне ряд узких ступеней, ведущих наверх. Как только он ступил на

эту лестницу, на него откуда-то сверху обрушился шестой Страж.

Впрочем, только когда рыцарь убил его, он понял, что это Страж. Поначалу это было похоже на прыжок тяжелого хищного зверя, желающего разодрать рыцарю глотку и выпустить кишки. Зверь ревел и рвал когтями доспехи рыцаря. Он был мохнат, яростен, дик... И он был оборотнем.

Рыцарь понял это, когда после серии быстрых ударов итальянским кинжалом движения зверя замедлились, и в какой-то миг взгляды человека и мохнатого чудовища встретились. Это был очень неприятный миг, потому что рыцарю вдруг почудилось, что он убил сам себя, но тут же было решено, что и это плод злобной магии, которой пропитаны здесь земля, деревья и сам воздух.

Итак, оставался один Страж, и, прежде чем двинуться наверх, рыцарь перевел дух и изготовился к решительной схватке, потому что теперь ему наверняка должен был встретиться сильнейший из Стражей, возможно не человек, а демон или вообще тварь, прежде невиданная...

Рыцарь поднялся по ступеням и оказался перед входом в пещеру.

– Ты пришел, – грустно сказал ему последний из Стражей. Это был совсем даже не демон и не великан, это был старец в светлом плаще, без оружия.

– Я здесь, чтобы исполнить свое Предназначение, – сказал рыцарь. – Чтобы сделать то, что не удавалось еще ни-

кому...

– Ты ошибаешься, – мягко заметил последний из Стражей. – Ты не первый и не последний. К несчастью. Это бывало раньше, это будет случаться и позже.

Рыцарь насторожился.

– Ты проделал длинный и трудный путь, – сказал старец. – Но еще не поздно повернуть назад. Это исправит все твои...

Кинжал воткнулся старцу в бок. Рыцарь догадался – этот Страж и вправду был опаснейшим из всех, он был магом, и он хотел своими речами свести рыцаря с ума. К счастью, верный кинжал был под рукой, и вредоносные слова застряли у старца в горле.

Теперь между рыцарем и его Предназначением не осталось никого. Он стоял у входа в пещеру, наблюдая, как из своей восточной темницы вырывается на волю яростное солнце, знаменуя новый день и знаменуя великий миг исполнения предназначенного.

Рыцарь перешагнул через последнего Стража и вошел в пещеру. Факелы и непонятные надписи на стенах делали ее похожим на храм. В центре этого храма лежала Она.

Рыцарь не задумывал этого раньше, но как-то само собой получилось, что он остановился и опустился на одно колено, а потом смиренно склонил голову.

– Я пришел, – сказал он. – Я исполнил то, что был должен исполнить.

Она не ответила. Она лежала на богато убранном ложе, закрыв глаза и сложив руки на груди. Она спала, и, чтобы посторонние звуки не мешал ей спать, ложе было накрыто прозрачным колпаком, твердым и холодным.

И она была прекрасна, столь же прекрасна, что и в видениях рыцаря, а может быть, и еще прекраснее, потому что теперь она была от него на расстоянии вытянутой руки. Правда, между ним и этой неземной красотой был еще прозрачный колпак, но что мог значить этот колпак, если рыцаря не остановили семеро Стражей!

Тем более что оставался четвертый магический дар, волшебный отвар, который должен был устранить последнюю преграду между рыцарем и его Предназначением. С трудом оторвав взгляд от Нее, рыцарь запустил руку в мешок и осторожно вытащил деревянный ящичек, внутри которого покоился крохотный сосуд с отваром. Капли из этого сосуда одна за другой окропили прозрачный колпак по всей его длине, и легкое шипение стало сигналом, что зелье начало действовать. Рыцарь выждал, пока магия проявит свою силу, а потом занес меч и что было сил ударил рукоятью по прозрачному колпаку, вложив в это действие всю свою одержимость, все свое преклонение перед Спящей Красотой. И конечно же, колпак не выдержал и треснул, разделился на две половины, которые рыцарь с торжествующим воплем сбросил на пол пещеры.

И вопль застрял в глотке рыцаря, потому что в это

мгновение мир изменился. Пропахший потом и кровью смертный замер и растерянно завертел головой, пытаясь понять, что происходит с ним и что происходит вокруг, пытаясь подобрать должные слова к запахам и звукам, которые возникли из ниоткуда и которые заставили рыцаря почувствовать неуклюжесть своего мускулистого тела, грубость своих сильных рук и совершенную нелепость заточенных кусков металла, принесенных рыцарем в пещеру на случай, если потребуется совершить еще несколько убийств.

Он почувствовал каждой костью и каждым шрамом своего тела, что жизнь начинает обретать смысл только сейчас, а то, что было ранее, то, чем он гордился, все эти убийства других смертных, именуемые «победами», все поспешные совокupления с напуганными жeницинами, именуемые «обладаниями», все пиры и награды, все иные «удовольствия» – это достойно лишь забвения.

Трепеща, рыцарь приблизился к изголовью, и слезы выступили у него на глазах от созерцания безупречной Красоты, которой так долго был лишен мир и которая теперь должна будет в мир вернуться. Рыцарь зажмурился и вспомнил видения, точнее, то, чем каждое из них заканчивалось, заставляя рыцаря просыпаться посреди ночи с таким ощущением, как будто его на три мгновения взяли живым в рай, а потом вышвырнули обратно, в походную палатку под холодные звезды. Он склонился над Красотой и приложил свои обветренные губы к ее розовому совершенству. Сначала ни-

чего не происходило, как будто рыцарь пытался соединить несоединимое, лед и пламень, камень и кровь, но потом...

Потом рыцарь почувствовал странное покалывание в губах, как будто десятки миниатюрных иголочек пробежали взад-вперед; и вдруг его поцелую ответил не холодный мрамор, а живое тепло, но похоже оно было не на губы смертной женщины, а на пышущие влажным жаром лепестки розы или на что-то еще более прекрасное, чему рыцарь не мог подобрать название.

Он не видел, как открылись ее глаза, но зато он почувствовал, как ее рука нежно обвила его шею, взъерошила волосы на затылке рыцаря... Мурашки пробежали по его спине, и сердце рыцаря остановилось.

На самом деле. Без всякой поэтической ерунды.

Невероятно прекрасная женщина в белом платье еще некоторое время прижимала губы рыцаря к своим, а потом оттолкнула тело, исполнившее свое Предназначение.

Она вздохнула, вытерла рот и свесила ноги со своего ложа, на котором провела последние семьдесят шесть лет. Металлический звук неприятно резанул ее слух. Она приподняла подол длинного белого платья и увидела цепи на лодыжках. Цепи были массивные, черные и совершенно не подходили к платью. Она резко дернула ногами и выдрала цепи из каменного основания своего ложа. Усилие тут же отдавалось головокружением и тошнотой. Такое всегда случалось, если она долго не ела.

Красота тоже нуждается в пище. И, силы небесные, сколь же многие этого не понимают!

2

Головокружение никак не проходит, и это означает только одно – завтрак был недостаточно питателен. Морщась, она встает со своего ложа, стараясь не обращать внимания на перезвон цепей. Но тут ко всем прочим бедам добавляется еще одна – платье расплзается на боку, как будто его хозяйка за семьдесят шесть лет малоподвижного образа жизни прибавила в весе. Ничего подобного, проблема в самом платье, а точнее – в прошедших годах. Она выскальзывает из платья как из старой шкуры и остается обнаженной – ну если не считать цепей на ногах. Некоторым мужчинам нравится такое сочетание – теплая плоть и холодный металл. Только сейчас ей нет дела до мужчин и их вкусов. Она бросает истлевшее платье на ложе и вздыхает. Это платье не было новым уже тогда, семьдесят шесть лет назад. Люди, уложившие ее тогда в прозрачный гроб, явно старались сэкономить. Они лишили ее общения, хорошей одежды и еды, то есть унизили достаточно, чтобы она превратилась в мстительную фурию, которая не остановится, пока...

Пока что? Пока не зальет кровью полмира? Она посмотрела на свои окованные лодыжки и подумала, что со стороны ее врагов это было довольно грубо, но она и большим пальцем ноги не шевельнет ради отмщения. Потому что она чувствует, как изменился мир, а это значит, что сон ее длился десятилетия, если не века. Обидчики благополучно гниют в своих могилах. Осквернять могилы? Грязная работа, недостойная самой прекрасной женщины на свете. Надо бы, кстати, найти где-нибудь зеркало...

Она ступает по каменному полу пещеры и выходит наружу, на площадку, откуда виден лес, поля... Откуда видно небо. Откуда виден мир, вновь открытый для Нее.

Какое-то шуриание раздается поблизости, и она оборачивается. У ее ног корчится перепачканный кровью старик. В глазах – ужас. Пальцы трясутся.

– Ну? – спрашивает она. – Что ты этим хочешь сказать? Потрясен моим величием? Или просто давно не видел голую женщину?

– Мне страшно, – хрипит старик. – За людей... То, что ты будешь делать...

– А что я буду делать? – она пожимает плечами. – Ничего особенного, – она кладет руку на седую голову старика. – Все то же самое.

Поворот по часовой стрелке, хруст шейных позвонков, и на нее теперь смотрит облысевший затылок старика.

– Люди... – негромко повторяет она. – Ну какой смысл за

них бояться? Они плодятся, они заползают в каждую щель этого мира, и никто с ними не может ничего поделать. У меня, в конце концов, всего две руки, а не десять... – Тут она вспоминает одну свою старую подругу и приходит к заключению, что и десять рук – не выход из положения. – Так что я бы на твоём месте не боялась за людей, они всегда как-нибудь приспособятся... Я бы боялась за Красоту, ведь она такая хрупкая, такая уязвимая...

Она спускается по вырубленным в скале ступеням и видит на склоне мертвые тела, тела ее Стражей. Она удостаивает их снисходительной усмешкой. Она знала, что рано или поздно все случится именно так. Это бывало и раньше, и только глупые люди могли надеяться, что им под силу изменить заведенный порядок вещей. Все возвращается на свои места, и в данном случае Красота возвращается к людям.

Некоторое время спустя деревенский мальчик оборачивается на звук и от неожиданности роняет свою корзинку с лесными ягодами. Раскрыв рот, он смотрит, как из-за деревьев появляется обнажённая молодая женщина с длинными волосами цвета меди. Ему кажется, что от нее исходит сияние. Она не похожа ни на одну из деревенских женщин, и мальчик понимает, почему эта женщина не носит одежду: ведь ей не нужно заматывать тряпками язвы и шрамы, прятать кривые ноги или плоскую грудь. Она совершенна, и эта красота должна быть видна всем.

Женщина подходит к мальчику и протягивает руку. Он не знает, что ей нужно, однако что-то внутри подсказывает ему, что он должен подойти и сделать все, что ни захочет эта женщина. Быть может, сейчас мальчику представляется, что именно такой была его мать, которую он никогда не видел. Быть может, мальчику представляется, что таким должен быть Бог.

Но что бы там ни казалось мальчику, она выпивает его за считанные секунды и стряхивает легкое тело наземь.

Затем она заходит в деревню, в крайний дом, полный грубых некрасивых предметов и неприятных человеческих запахов. Немолодая женщина теряет дар речи и пытается загородить колыбель с младенцем, но младенец орет как резаный и выдает себя. Она улыбается.

Пока женщина дрожит от страха, непрошенная гостья лениво перебирает вещи и находит длинную рубаху из грубого полотна, а также меховую жилетку. Пока придется обойтись этим.

Она одевается, а женщина в этот момент хватается со стола нож и, словно спохватившись, начинает истошно вопить, призывая на помощь. Это выглядит довольно смешно.

Она вспоминает вкус младенцев. Это довольно особенный вкус, он волнует и... И пожалуй, в этом доме стоит задержаться. И нож ее совершенно не беспокоит.

В это время дверь за ее спиной распахивается, и в комнату вбегает чумакая девочка лет десяти. Судя по запаху, она

только что возилась со скотиной во дворе.

– Мама?.. – растерянно бормочет девочка.

А мама встречается взглядом со своей проголодавшейся гостьей. И гостья, надо сказать, несколько удивлена безмолвным предложением, которое только что ей было сделано. Но потом она понимает.

– Мальчик? – кивает она в сторону колыбели, где никак не унимается младенец.

Мать кивает. Будущий кормилец. Он должен выжить.

– Хорошо, – говорит она и оборачивается к девочке. – Пойдем.

– Иди, Анна, иди с доброй женщиной, – торопливо говорит мать. Девочка послушно кивает, шмыгает носом и выходит во двор.

Она идет следом и думает о людях. Они всегда сумеют выкрутиться. Они умеют жертвовать. Они так быстро плодятся именно для того, чтобы иметь немного лишних людей, которых можно будет при случае принести в жертву. И это омерзительно.

– Анна, – говорит она. – Отведи меня к кузнецу.

Они идут к дому кузнеца через всю деревню, и, наверное, многие их видят, но никто не подходит, и никто не заговаривает с ними, то ли ничего не подозревая, то ли, напротив, подозревая и поэтому держась подальше. А воздух между тем налит запахом людей и их жилищ, и тошнота снова подступает к горлу.

– У тебя дело к кузнецу? – спрашивает Анна, оглядываясь.

– Да, у меня к нему дело, – отвечает она. Цепи уже не змеятся за ней следом, как поначалу, у нее хватило сил оторвать их, но, чтобы снять металлические оковы с лодыжек, требуется кто-то более умелый.

– А в вашей деревне нет кузнеца? – не унимается пахнущая коровником девчонка.

– В нашей деревне? – Оно улыбается. – Нет. Он умер. Все рано или поздно умирают, ты ведь знаешь это?

– Ага, знаю, – радостно соглашается Анна. – А где твоя деревня?

– Там, – машет рукой она, видя поверх подпрыгивающей макушки Анны нечто, по виду и запаху напоминающее кузницу.

– Там? – Анна почему-то перестает беззаботно подпрыгивать. – На горе? Но там же...

– Там же – что?

– Там же ведьма, – Анна делает страшные глаза. – Ты разве не знаешь?

– Ведьма? Какая еще ведьма?

– Та самая, страшная, которую волшебники положили в прозрачный гроб! Днем она спит, а ночью выходит и бродит по лесу! Поэтому туда нельзя ходить! Разве ты не знаешь про это?

– Ах, ты про эту ведьму... Конечно, знаю. Мы к ней давно

уже привыкли. Я думала, может быть, появилась какая-то еще ведьма...

– Еще? – у девочки захватывает дух. – Нет, она там одна, самая страшная ведьма на свете. Слава богу, что семеро Стражей, семь самых лучших воинов королевства, сторожат ее и не позволяют спуститься с горы! Так что она может питаться только дикими зверями и... – Анна сглатывает слюну. – ...и непослушными детьми, если те убегут на гору...

– Но ведь ты послушная девочка, ты никогда не ходишь на гору, правда?

– Если честно, – шепчет Анна, – однажды я ходила туда собирать ягоды...

– И видела ведьму?

– Нет, я ведь ходила днем. Хотя все равно было очень страшно.

– Но ведь все закончилось хорошо, так?

– Так. Только я все равно не понимаю, как вы там можете жить, на горе...

– Кто это тут живет на горе? – высунулось в дверной проем бородатое лицо.

– Я.

Она посмотрела кузнецу в глаза, и тот, похоже, сообразил, что к чему. И обратил внимание, что ее рука заботливо обнимает Анну за плечо.

Он даже не стал пытаться. Не бросился на нее с мо-

лотом, или какие там еще орудия бывают у кузнецов, не попытался даже ударить кулаком, хотя мужчина на вид был неслабый. Он сразу сломался, признал ее превосходство, ее право распоряжаться и решать человеческие судьбы, в том числе и его, кузнеца, судьбу. Поначалу она отнесла такую покорность на счет своей былой славы, на счет этих страшных сказок, передававшихся из поколения в поколение. Но потом она поняла, что здесь происходит нечто иное. Воля кузнеца была сломлена не страшными сказками, а страшной жизнью, в которой ему то и дело приходилось встречать взгляды и слова, столь же властные, что и у нее.

Люди, поняла она. В ее отсутствие они сами преуспели в унижении и истреблении себе подобных. Мысль эта была столь неожиданной и ободряющей, что она не удержалась и поделилась ей с кузнецом, пока тот сбивал с ее ног оковы.

– И ведь меня называли врагом рода человеческого, – сказала она, по-прежнему обнимая Анну за плечи. – Но оказалось, что не я ваш самый страшный враг. Даже если бы вдруг исчезли все драконы и оборотни, дети ночи и гиганты, даже если бы исчезла я... Никакого рая, смертный, не наступило бы, потому что люди сами бы превратили землю в ад. Вы убиваете друг друга, вы обращаете других людей в рабство, вы истребляете народы, весь грех которых состоит в том, что они называют Бога другим именем... Вот уж поистине божьи Твари. Стоит написать письмо королю Ричарду и сообщить ему, что он сражается не с тем вра-

гом...

– Король Ричард давно умер, госпожа, – сказал кузнец, не подымая головы. – Сейчас нами правит король Томас.

– Какая разница...

– А можно я пойду домой... – уже в который раз проканючила Анна.

– Пусть девочка пойдет домой, – попросил кузнец. – Ведь госпожа уже получила все, что хотела... Или... Или нет?

Она вздохнула и убрала руку с плеча девочки.

– Иди, Анна. Живи долго и счастливо, хотя... – она скептически покачала головой, глядя, как девочка бежит по улице в направлении своего дома, где ждут ее любящая мать и прочие радости смертной жизни. Застывший возле наковальни кузнец тоже чего-то ждал – то ли смерти, то ли чуда, то ли просто следующего события в жизни, контроля над которой у него не было уже давным-давно.

– Сколько я тебе должна за работу?

Этого он не ожидал, но, судя по выражению лица, послушно принялся подсчитывать в уме возможную цену.

– У меня все равно нет денег, – прервала она его подсчеты. – И все, что я могу тебе предложить... – Она приподняла рубаху, приподняла значительно выше колен, но кузнец если и посмотрел туда, то как-то мельком, с опаской. А жаль. Обычно при виде и меньшей части ее обнаженного тела мужчин охватывала необоримая похоть, а охваченные похотью смертные просто сочлились энергией, пить их

было одно удовольствие... – Может быть, ты не знаешь, кто я? – спросила она, не без легкого разочарования опуская рубаху.

– Знаю, госпожа. Ты ужасная ведьма с горы, которая...

– Ужасная?! – Она схватила его за бороду и дернула вверх, чтобы их глаза снова встретились. – Ты сказал – ужасная? Посмотри на меня и попробуй повторить это еще раз!

– Так говорят... люди, – пробормотал кузнец.

– А своего мнения у тебя нет?!

Она оттолкнула смертного, тот упал, но толчок получился не таким сильным, а последствия не столь фатальными, как бы ей хотелось. К горлу снова подступила тошнота. Пора было заморить червячка.

– Госпожа...

Похоже, кузнец почувствовал накативший на нее приступ голода. Тем хуже для него.

– Госпожа, выслушай... У меня трое детей...

– Поздравляю, – она пнула пытающегося встать кузнеца ногой в грудь.

– Скоро сюда придет мой помощник, он моложе, он полон сил... И ты сможешь... сможешь насладиться им так, как только захочешь...

Она молчала, попирая его ногой.

– И ты... И ты прекрасна, госпожа...

– Спасибо, что заметил, – она убрала ногу с его гру-

ди. – Так, значит, молодой помощник? Симпатичный?

Кузнец утвердительно тряс головой в ответ на каждый ее вопрос. Почему-то ей стало противно. Но она все-таки дождалась помощника и вкусила молодости и красоты. Кузнец все это время сидел в углу, зажмурившись и заткнув ладонями уши.

Теперь она чувствовала себя достаточно сильной, чтобы отправиться в путь. Добраться до большой дороги, миловидной улыбкой остановить проезжающего благородного всадника, забрать у него лошадь и заодно перекусить...

– Прощай, кузнец, – сказала она в дверях. – Ведьма уходит. Надеюсь, тебя не сожгут односельчане за то, что ты накормил меня своим помощником. А если сожгут, что ж... Наверное, это будет самое яркое событие в твоей жизни...

– Пусть и твоя жизнь будет долгой и счастливой, – проворчал кузнец.

– Она будет долгой, не сомневайся, – усмехнулась она. – И она будет счастливой...

Странное желание вдруг посетило ее, пока губы выговаривали это последнее слово. Ей захотелось развернуться и убить кузнеца, не ради еды, а просто так. Убить кузнеца без всяких причин, без объяснений, не из защиты и не из голода, а просто по праву сильного, по праву высшего существа. А своими правами надо пользоваться.

Так она и сделала.

Несколько недель спустя в другом краю, в другой одежде, в другом состоянии духа...

Это был перекресток дорог, и это было полнолуние. Почему-то они всегда встречались на перекрестке дорог и при полной луне. Этому существовало какое-то объяснение, но оно было слишком сложным и совершенно бесполезным, поэтому она даже не старалась его запомнить.

Люциус предстал перед ней белокурый принцем на огромном огнедышащем коне, чьи копыта оставляли в земле выбоины. Она же приехала на роскошной повозке, которая еще утром принадлежала семье богатого купца. Семья оказалась весьма питательной, к повозке претензий также не было.

– Знаменитая Спящая Ведьма Юга, – сказал Люциус и вежливо склонил голову. – Я вижу, ты все-таки решилась подняться с постели и прогуляться...

– Еще пара лет, капитан Люциус, и у меня бы проявились пролежни... – Она прыгнула на дорогу и потянулась. – Но последние несколько дней... О, они явно удались.

– Значит, мой посланец погиб не зря.

– Твойкто?

– Воин, который перебил Стражей и пробудил тебя ото

сна.

Она пожала плечами:

– Я его даже толком не рассмотрела, но...

– Что, дорогая?

– Семьдесят шесть лет – это слишком. Ты мог бы от-
править кого-нибудь мне на выручку и пораньше.

– Ты не единственная моя забота, Елена.

– Я пятьсот лет как не Елена, Люциус.

– Извини. Женщины такие ветреные создания...

– И я не совсем женщина, как ты знаешь.

– Так как же ты теперь зовешься?

– Элизабет.

– Постараюсь запомнить.

– Так вот, Люциус, насчет семидесяти с лишним лет, вы-
черкнутых из моей жизни...

Люциус усмехнулся:

– Ты их считаешь?

– Я не хочу, чтобы в следующий раз... Если следующий раз
случится... Я не хочу снова ждать семьдесят лет, пока ты
обо мне вспомнишь. И не зови меня больше ведьмой, звучит
отвратительно...

– Элизабет Прекрасная гораздо лучше, ты имеешь в виду?
И после этого ты говоришь, что ты не совсем женщина?
Готов поклясться, что кровь Лилит...

– Придумай что-нибудь, ладно? – оборвала она.

– Что именно? Не хочешь быть Ужасающей Ведьмой

Юга? Хочешь быть Спящей Принцессой, которую усыпили злые чары и которую может пробудить ото сна только поцелуй истинной любви? Тогда стоит тебе снова попасть в руки Стражей, и сразу же выстроится очередь принцев со всего света, чтобы вернуть тебя к жизни. Как тебя такая идея?

– Звучит неплохо. Запиши, а то забудешь.

Люциус усмехнулся:

– Я не забуду. И ты тоже не забудь...

– Так и знала, что тебе что-то нужно от меня. Ты не можешь быть бескорыстным? Разве не этому учил тебя твой наставник?

– Ты будешь удивлена, но не этому. Итак...

– Итак?

– Будь наготове, Элизабет. Пока скажу тебе только это. Наши дела в этом мире не становятся лучше, хотя у меня есть определенные идеи...

– Это твои идеи? Или Его идеи?

– Его? Знаешь, Ему давно уже наплевать на этот мир. С чего бы иначе Он послал сюда всего лишь капитана ангелов? Для генералов Он припас дела поважнее...

– Может, Он хочет посмотреть, справишься ты или нет?

– Справлюсь? Справлюсь с чем?! Я должен просто приглядывать...

– Смотреть, как божьи творения уничтожают друг дру-

га? В этом есть смысл?

– Не все божьи создания получились удачно, Он сам это признал. А насчет смысла – тут ты права. Во всем нужен порядок, нужна какая-то система...

– И твой план...

– Поговорим попозже. Я найду тебя, Элизабет, лет через пять-десять.

– Хорошо.

– Только не засыпай больше, – он улыбнулся. – Много теряешь, соня.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПЯТЬ МИНУТ ДО ПОЛУНОЧИ, ИЛИ ЕЕ ЗДЕСЬ НЕ БЫЛО

1

Они так часто произносили фразу «Все будет хорошо», что Насте стало по-настоящему страшно, и мурашки устроили на ее спине какой-то дикий экстатический танец. Смайли держал Настану руку в своих руках, вероятно думая, что так девушке будет спокойнее, но ей-то казалось, что это не доброжелательное касание рук, а замок, захват, который не позволит вскочить и убежать.

– Теперь понятно, что имел в виду Люциус, когда сказал – помнишь, в «Трех сестрах»? – что нам когда-нибудь понадобится виновный... – Смайли говорил быстро, и смысл его слов был подобен мелодии, которая крутится в голове и которую вот-вот вспомнишь, но это «вот-вот» длится бесконечно. Настя уже вроде начинала понимать, что ей втолковывает Смайли, и вылавливала знакомые имена и названия, однако новые слова приходили слишком быстро, и сметали

предыдущие, и уносили с собой имена и названия, как ручей уносит опавшие листья и сломанные ветки...

– Он не смог мне сказать.

– Что? – не понял Смайли. – Кто – он?

– Король не смог мне это сказать. Как мило с его стороны...

– Настя...

– Он поручил сделать это объявление одному знакомому гному. С гномов какой спрос...

– Настя.

– Не забудьте сначала проверить состояние Дениса. Чтобы он был жив, здоров и, так сказать, в полной комплектации. Если короля Утера кинут на этом обмене, это будет пятно на твоей репутации, правда, Смайли?

– Никто не собирается соглашаться на эти условия, Настя!

– Сейчас не собирается, а завтра соберется.

– Настя, – грозно нахмурился Смайли, словно пытаясь этой гримасой призвать ее к порядку, к рассудительности, к взрослым мыслям и здравым реакциям. Гиблое дело. Смайли вздохнул и выпустил Настану руку: – Поговорим завтра. Армандо проводит тебя...

Настя посмотрела гному в глаза, готовясь сказать что-то резкое, но вместо этого у нее вдруг вырвалось неожиданное:

– Кто такой Александр?

– Хм, – Смайли если не растерялся, то на миг призадумался, вероятно пытаясь выстроить логическую цепочку между

своими словами и вопросом Насти. – Вы с королем разговаривали об Александре? – Спрошено было с весьма недоверчивой интонацией, но что было терять Насте? Она утвердительно кивнула. – Александр Андерсон – старший сын короля Утера, – сказал Смайли. – Соответственно, старший брат Дениса и Амбер. К сожалению, несколько лет назад Александр Андерсон пропал.

– То есть у вас это не первый случай.

– Извини?

– У вас уже не впервые пропадают наследники престола, – тоном напавшего на сенсацию журналиста уточнила Настя. Смайли вздохнул и адресовал Армандо еле заметный жест, который, должно быть, значил нечто вроде: «Да убери ты ее наконец с глаз моих долой!»

Пока лифт поднимал Настю на ее этаж, к усталости в мышцах и песочной тяжести век вдруг добавилось новое ощущение: Лионея перестала быть загадкой, новым неведомым местом, протокольное описание которого занимало сотни страниц текста и мегабайты информации. Лионея стала опасной и тем самым стала обычной.

Не было никакого безопасного райского сада под этим небом, не было волшебной страны, отгороженной от зла неприступными горами.

Наконец-то все стало на свои места.

Я довольно хорошо помню тот вечер, помню, как странно

поглядывал на меня Армандо, пока мы поднимались в номер. Наверное, ждал, что я устрою истерику или еще какое-нибудь представление. Но я слишком устала в тот день, чтобы давать полуночные концерты для избранной публики. Я просто молча кивнула Армандо у двери номера, вошла и закрыла за собой дверь. Положила на стол королевское яблоко и только тут заметила на его кожнице следы от вонзившихся ногтей. Моих ногтей. Нервы, знаете ли.

В таком состоянии яблоко уже не представляло исторической ценности, и его можно было с чистой совестью съесть, что я с блеском исполнила, наблюдая на экране широкоэкранный телевизор какое-то французское реалити-шоу. Плод с древа познания был сочен. Само познание – так себе.

В смысле мало радости узнать, что твое предназначение – стать спасительной жертвой ради жизни наследника лионейского престола и ради мира во всем мире. С другой стороны, мама всегда твердила мне, что с моей ленью я вообще ничего в жизни не добьюсь. Ну и кто был прав, а? Знаешь, мама, далеко не каждая девушка может стать спасительной жертвой. Кого-нибудь из твоих знакомых меняли на похищенного принца? То-то и оно.

Да, со временем учишься находить положительную сторону во всем, даже в собственной участи жертвенной овцы. Однако этот легкий приступ самодовольного оптимизма закончился примерно тогда же, когда закончилось яблоко.

ко. Я посмотрела на огрызок и не увидела в нем ничего оптимистического. Так же сгрызут и меня; разница в том, что яблоко я прикончила даже не из голода, а просто от нервов. Меня же сгрызут ради светлого будущего династии Андерсонов. Можете назвать такое различие принципиальным? Лично я не могла. Возможно, потому, что шел четвертый час ночи и у меня стали слипаться глаза. Возможно, потому, что это был лишь мой второй день в Лионее.

За которым неотвратимо последовал третий.

2

Вопреки известной теории, утро было не слишком мудренее вечера, хотя, может быть, Настя не совсем верно понимала значение слова «мудренее». Все оставалось примерно так же: затерянная в огромной постели Настя, запертый под домашним арестом Иннокентий, уложенный в больницу Филипп Петрович, забытая где-то в России Монахова, украденный Горгонами Денис Андерсон, внимающий Протоколу Армандо.

Плюс Смайли в телефонной трубке.

– Я тебя не разбудил?

– Разбудил.

– Вот и хорошо. Я звоню, чтобы еще раз заверить тебя: мы

не соглашаемся на условия Горгон.

– Как мило с вашей стороны... – Настя зевнула.

– Что?

– Ты только что испортил мне утро. Я надеялась хотя бы до обеда не вспоминать про наш разговор, про письмо, про Горгон и про то, что они жаждут моей крови. Но ты досрочно освежил мою память, спасибо тебе большое. Теперь у меня снова депрессия.

– Вообще-то уже почти полдень. Я испортил тебе полдень.

– А, ну тогда все в порядке, – пробормотала Настя, пытаюсь быть ироничной, насколько это было возможно спросонья. – Спасибо, что не соглашаетесь... На что именно вы не соглашаетесь?

– На условия Горгон, – терпеливо разъяснил Смайли. – То есть мы не говорим им «нет», мы говорим, что подумаем, а сами будем тянуть время, чтобы узнать, где они прячутся...

– И поубивать их всех к чертовой матери.

– Извини?

– Я говорю, поубивать их всех...

– Да-да, я думал, что мне послышалось.

– Нет, не послышалось. Горгон нужно всех поубивать, Роберт. Странно, что ты сам до этого еще не додумался.

– Вообще-то у меня другая задача: вернуть Дениса Андерсона домой. Живым и невредимым.

– И заодно поубивать всех Горгон.

– Ладно, если это тебя успокоит, то...

– Дело не в моем спокойствии, а в том, что так будет правильно.

Смайли немного помолчал, а потом заговорил, словно вырезав из беседы последние несколько фраз и вернувшись к началу:

– Запомни, тебе ничто здесь не угрожает. Мы не собираемся менять тебя на Дениса Андерсона.

– Почему?

– Что?

– Почему бы не поменять меня на Дениса Андерсона? Он наследник лионейского престола, от него зависят всякие важные вещи, а я – можно сказать, никто, просто подвернулась под руку вашему наследнику... Почему бы не поменяться?

– Потому что это неправильно.

– А-а...

– Потому что мы не торгуем такими вещами. Особенно с Горгонами.

Настя ничего не ответила, и Смайли воспринял это как добрый знак.

– Так я тебя убедил?

– Ну...

– Что – ну?

– Ты сделал все, что мог.

Настя снова накрылась одеялом, но сон не возвращался, и в голове безостановочно крутились как белка в колесе сло-

ва Смайли. Насте показалось, что гном остался недоволен итогом разговора. Начальник королевской службы безопасности хотел большей определенности, хотел четких, прямых, искренних ответов. Что интересно, Настя тоже хотела бы получить такие ответы. Только где было их взять?

Во время позднего завтрака, допивая апельсиновый сок, она окончательно проснулась и поняла – где. Также она поняла, что в прогулке за ответами ей понадобится провожатый, и долго искать провожатого не пришлось.

– Армандо, – сказала Настя. – Ты не мог бы проводить меня кое-куда?

– Разумеется, – невозмутимо сказал тот и лишь возле лифта попросил разъяснить значение «кое-куда». Настя объяснила, ожидая недоуменных вопросов и попыток отговорить, но ничего этого не последовало. Армандо принял сказанное к сведению и замер невозмутимой тенью за спиной Насти, ожидая прибытия лифта.

Каким же он был невозмутимым...

Какими спокойными и уверенными были они все...

«Все будет хорошо», – говорили они тогда. Возможно, что они действительно в это верили. Возможно, в этом не было лицемерия. Или почти не было.

Но поскольку в Лионею я приехала уже взрослой девочкой, то со временем до меня дошла одна очень простая мысль: внушать спокойствие – это их работа.

Армандо должен был внушать спокойствие мне. Роберт Д. Смайли – королю Утеру. Король Утер – всем остальным. Круговорот спокойствия в природе. Все это было очень мило, прямо как розовые пупсики в магазине игрушек. Только ведь люди устроены совсем иначе, чем пупсы. Точно так же спокойствие Армандо или Смайли имело весьма отдаленное отношение к реальному положению вещей.

Знали они это? Конечно, знали. Но ведь у них была работа, и потому Армандо слегка отгораживал меня от реальности, чтобы я не психанула. Смайли слегка отгораживал от реальности короля Утера, чтобы того не хватил удар. Ну а король Утер отгораживал от реальности всех, кого мог, чтобы... Ну вы понимаете.

То есть вроде бы все разумно и логично, но посмотрите, куда нас это завело.

Я помнила, как старался быть невозмутимым Филипп Петрович, как он произносил это надоедливое заклинание «Все будет хорошо», как он улыбался через силу. Чем это все кончилось? Филипп Петрович едва не отдал богу душу, меня чуть не сцапала рыжеволосая бестия по имени Соня, а потом без всяких «едва» и «чуть» я оказалась в компании вампиров. Вы можете сказать: «Ну так ведь все и вправду кончилось хорошо!» Я вам ничего на это не отвечу, лишь посмотрю со значением в ваши глупые глаза и укоризненно пощелкаю языком.

Так вот, именно по всем вышеизложенным причинам, ко-

гда мне понадобился совет, я не пошла в больницу к Филиппу Петровичу, с которым мы вроде как прошли огонь, воду и темные подземные коридоры. Я не хотела услышать очередное «Все будет хорошо».

Мне нужен был кто-то, чьей работой не было внушение спокойствия. К слову сказать, у этого типа работы не было вообще. Бездельник с во-о-от таким стажем.

Иннокентий.

3

Настя решила, что ошиблась дверью, хотя в этом конце коридора дверь была всего одна и ошибиться было невозможно. Да и двое охранников вряд ли были здесь поставлены для украшения интерьера.

На всякий случай она отступила назад и вопросительно посмотрела на Армандо. Тот пожал плечами, что, наверное, означало: «Дальше уже сама разбирайся; я тебя сопровождал в твое «кое-куда», я договорился с охраной, так что...» Настя вздохнула и толкнула дверь гостиничного номера.

– Ох, – непроизвольно выдохнула она в следующее мгновение. Армандо и Смайли, говоря про Иннокентия, упоминали домашний арест; увиденное Настей было похоже на что угодно, только не на эти два слова. Это....

Настя вздрогнула – «это» совершило очередной дикий прыжок, взлетело на кресло и вместе с опрокинувшейся мебелью грохнулось наземь. Если Иннокентий задумывал дурную пародию на Фреда Астера, то ему это почти удалось.

– Кхм, – сказала Настя, но ее не было слышно, потому что динамики небольшой стереосистемы надрывались изо всех сил. Иннокентий выскочил из-за кресла, как выпущенная из подземной шахты ракета, развернулся в прыжке на сто восемьдесят градусов, ухватил объемную подушку с дивана и нежно прижал ее к груди.

– Кхм, – настойчиво повторила Настя.

Иннокентий, сжимая подушку в объятиях, пустился в страстное танго. Насте почему-то захотелось отвести глаза, попятиться в коридор и осторожно прикрыть за собой дверь, дабы не подглядывать за весьма необычным досугом весьма необычного гостя Лионеи. В то же время сомнительная пластика и мелодраматически сведенные на переносице брови Иннокентия склоняли Настю к истерическому хохоту, и Настя была уже на грани этой самой истерики, когда вместо третьего и финального «кхм» она подошла к музыкальному центру и выключила громогласный аппарат. Иннокентий по инерции сделал еще несколько впечатляющих па и остановился. Некоторое время он задумчиво разглядывал Настю, словно постепенно возвращаясь из иной реальности, куда его с подругой-подушкой унесла музыка.

– Стучаться надо, – сказал он наконец, похлопал подуш-

ку, словно выражая благодарность за приятное партнерство, и аккуратно положил ее на диван. – Или вы думаете, что с пленником можно делать все, что заблагорассудится?

– С пленником? Мне сказали, что это типа домашнего ареста.

– Какая разница... – махнул рукой Иннокентий.

Настя огляделась по сторонам и хотела было заметить, что арест или плен она представляла себе немного иначе. Иннокентию отвели точно такой же гостиничный номер, как и Насте, с той разницей, что за прошедшую пару дней Иннокентий сумел устроить здесь натуральный свинарник. На полу валялись пустые винные бутылки, пластиковые тарелки с остатками еды и несколько пепельниц, в каждой из которых дымилось по сигарете.

– Так ты пришла с личным визитом? – воинственно поинтересовался Иннокентий, подтягивая спортивные штаны. – Или по поручению какой-нибудь правозащитной организации проверяешь условия содержания узников короля Утера?

– Нормальные у тебя условия. Если бы ты еще не разбрасывал чипсы по ковру...

– У меня депрессия.

– Ага, видела я твою депрессию. Как ты тут с подушкой отплясывал...

– Моя личная жизнь тебя не касается.

– Надеюсь, что не касается и не коснется.

– Тогда чего тебе нужно?

– Поговорить.

– Насчет?

– Король Утер. Горгоны, – Настя загибала пальцы, перечисляя предлагаемые для обсуждения темы. – Смайли. Амбер Андерсон. Я.

– Интересный подбор, – ухмыльнулся Иннокентий. – С чего начнем? С тебя? Знаешь, мне кажется, ты поправи-лась...

– Нет, – сказала Настя. – Начнем вот с чего.

Переступая через бутылки и тарелки, она подошла к двери номера и закрыла ее, установив между собой и ожидающим в коридоре Армандо хотя бы временный, но барьер.

Мы проговорили почти два часа, и Иннокентий ни разу не сказал, что «все будет хорошо». Этот наглец вообще не старался как-то меня успокоить и обнадежить.

– Поговори с Амбер Андерсон, – сказал он напоследок.

– Это еще зачем?

– Зачем?! Пораскинь мозгами – разве не полезно поближе познакомиться с будущей королевой лионейской?

– Королевой?

– Ну а как, по-твоему, получится? Если Смайли и Утер не будут договариваться с Горгонами, те прикончат твоего Дениса. Утер затем помрет с горя, и королевой станет Амбер Андерсон. Ненадолго, потому что все эти великие расы немедленно поднимут вой и потребуют каких-нибудь пе-

ремен, каких-нибудь глупостей, на которые Амбер не согласится, и ее вызовут на поединок. Амбер, конечно, погибнет в первом же поединке, династии Андерсонов придет конец, а следом придет конец всем договорам и обязательствам, благодаря которым эту планету еще не разодрали в клочья. Все расы бросятся сводить счеты друг с другом, и настанет очень веселое время, дорогая моя Настя. И вот тогда тебе будет приятно вспомнить, что когда-то ты была знакома с покойной королевой. Так что не теряй время, Настя, а то не о чем будет мемуары писать. Поговори с Амбер Андерсон.

И знаете что? В его словах был здравый смысл. Теперь мне есть о чем писать мемуары.

Другой вопрос – стоит ли мне тратить последние оставшиеся дни на мемуары?

Ведь читать их будет все равно некому.

4

Сложно сказать, сколько именно времени прошло, прежде чем Настя окончательно определилась в своем отношении к Амбер Андерсон. Не день, и не два, и не три. Забавно, что когда это все-таки произошло, то оправдалась старая пословица о том, что первое впечатление – всегда самое верное.

Первым впечатлением Настю обеспечил Роберт Д. Смай-

ли, еще на борту самолета продемонстрировав пачку снимков на тему «Жизнь, которой у тебя никогда не было». Там были шикарные вечерние платья, яхты, бриллианты, великосветские приемы, конные выезды, улыбки в камеру в компании каких-то, наверное, очень известных и очень богатых людей. Показать такие фотографии и сообщить между делом, что это и есть естественная среда обитания твоего бойфренда и его семьи, – все равно что сделать инъекцию концентрированного синдрома неполноценности, в качестве побочного эффекта которого развивается зависть в чернейшей своей разновидности. Конечно, Настя уже знала, что Андерсоны – королевская династия и все такое прочее, но слова – это одно, фотографии же королевского быта – другое, а Лионея и населяющие ее персонажи во плоти – это уже совсем третье.

Итак, последовательно пройдя через испуг, неприятие, недоверие и презрение, Настя вернулась к старой доброй зависти. Тут-то ее и подкараулила Амбер Андерсон собственной персоной.

Это был уже то ли пятый, то ли шестой день пребывания Насти на гостеприимной земле Лионеи, точнее, на гостеприимном асфальте и на радушных мостовых. Здесь было мало неупрятанной под камень или асфальт почвы, а если она и была, то в виде микроскопических участков, отданных под декоративные цветники, газоны и садики, которые, казалось, были высажены гномами и для гномов же предназначались.

Земля в своем грубом, необработанном обличье пряталась где-то по окраинам Лионейского государства, как, например, на старом кладбище, мимо которого Настя проезжала в компании Романа Ставицкого, оборотня по природе и таксиста по профессии.

Сейчас синий автомобиль Романа снова стоял неподалеку от входа в «Оверлук», но двигатель был выключен, и сам Роман откровенно скучал в ожидании, пока его потенциальные клиенты перестанут ругаться. Или спорить. Или говорить на повышенных тонах. Впрочем, назвать это спором или руганью можно было с большой натяжкой, поскольку спор предполагает участие хотя бы двух сторон, здесь же громко возмущалась и делала обиженное лицо одна сторона, вторая же молча стояла рядом и подобно Роману ждала, когда же этот кошмар закончится.

Первой стороной была Настя:

– Я вообще не понимаю, какая муха тебя укусила! С чего это вдруг, а? Буквально вчера ездил с этим таксистом по всему городу – и ничего, и никто слова не сказал, никто не вспомнил про Протокол! А теперь? Может быть, мне еще кортеж из мотоциклистов полагается? И еще вертолет сверху?

Второй стороной был Армандо.

– Ни мотоциклов, ни вертолетов, – сказал он, когда у Насти временно закончились слова. – Только один я.

– Один ты, Армандо, плюс водитель – это уже почти мас-

совая демонстрация, – тут же нашлись у Насти новые слова. – А я намечала тихий скромный поход по магазинам. Чувствуешь разницу? Тихий скромный поход и массовая демонстрация – разве это одно и то же?

Армандо молчал.

– Может быть, ты не чувствуешь разницу, но я скажу тебе по секрету – она есть! Кому я должна позвонить, чтобы ты угомонился и остался в отеле? Кому? Смайли? Амбер Андерсон? Королю Утеру? Я ведь позвоню! Вот ей-богу сейчас возьму телефон и как позвоню куда следует...

– Бесполезно, – сказал Армандо. – Я действую по инструкции Смайли. Смайли получил инструкции от короля.

– Какие еще на фиг инструкции? Ходить со мной по магазинам?

– Усилить режим безопасности. Это значит – и ходить по магазинам тоже.

– Режим безопасности? А что там случилось с моей безопасностью за последние три дня? Стряслась еще какая-нибудь напасть, о которой я не знаю, а не знаю я о ней потому, что вы мне о ней не сказали? Да? Или нет? Или да?

– Я просто получаю инструкции.

– А я просто хочу наконец жить нормальной жизнью, Армандо. Между прочим, Смайли уговорил меня приехать сюда, чтобы здесь я была в полной безопасности, чтобы никакие рыжие Сони, никакие Люциусы и никакие Покровские, вообще никакая тварь до меня не добралась! Теперь ты хо-

чешь сказать, что на самом деле никакой безопасности в Линоне нет?! Тогда зачем я сюда прилетела?! Сидела бы себе в общаге и... – тут Настя замолчала, потому что сорвавшееся с языка слово «общага» звучало в высшей степени неуместно и чужеродно на ступенях отеля «Оверлук», так что ответ на последний из Настиных вопросов напрашивался сам собой – сюда стоило прилететь как раз для того, чтобы не сидеть в общаге. Если подумать, то смерть в студенческом общежитии и смерть в отеле «Оверлук» – это совсем не одно и то же. Или...

Армандо воспользовался очередной паузой, чтобы напомнить:

– Это просто инструкции.

– Да ну тебя, – сказала Настя и посмотрела на синее пузатое такси. Роман Ставицкий дремал за рулем, незаметно покрываясь при этом шерстью. Сон разума рождал чудовище.

Впрочем, как уже выяснила Настя, чудовище было вовсе не опасным, да и сон оказался кратким – таксист вздрогнул, когда рядом с его машиной затормозил черный кабриолет. В машине сидела молодая женщина с короткой стрижкой, издали она была немного похожа на...

– Амбер Андерсон, – сказал Армандо и почтительно склонил голову, обращаясь к брюнетке в кабриолете. Настя мельком посмотрела на Денисову сестру, больше внимания уделила сверкающему кабриолету и хотела как бы между прочим сказать, что на четырех колесах-то любая дура сможет

ездить, а вот она, Настя, управлялась с мотоциклом, и хотя кончилось все это жутким падением и прочими нехорошими последствиями... Нет, лучше про это не рассказывать даже между прочим.

Пока Амбер Андерсон шла к отелю, Настя успела позавидовать не только автомобилю, но и отличной фигуре самой Амбер. Эта фигура сегодня была упакована в черные джинсы и такую шикарную кожаную куртку, что Настя возненавидела не только Амбер, но и всех королевских дочерей оптом. Еще Настя позавидовала расслабленно-уверенной походке Амбер и еще... Короче говоря, получился довольно длинный список.

– Привет, – Амбер стояла на пару ступеней ниже, и, может быть, Насте стоило обрадоваться своему вышестоящему положению, стоило снисходительно опустить глаза – что это у нас тут такое с иностранным акцентом пытается разговаривать по-русски, пытается быть милым, пытается сойти за своего?

Нет, не стоило. Амбер намеренно встала ниже, чтобы Настя чувствовала себя увереннее, так что это было скрытое снисхождение именно с ее стороны. Иностранный акцент? Русский, должно быть, десятый или двадцатый в перечне языков, которыми владеет Амбер. Настина четверка по-английскому даже не заслуживала упоминания в таком контексте.

Все-таки получался очень длинный список.

– Какие у тебя планы? – Амбер продолжала убивать своей вежливостью.

– Да так... – Настя уже подумывала об отмене шопинг-тура по Лионее. Теперь ее настроению больше подходил тур в собственный гостиничный номер с последующим многочасовым хныканьем в подушку и жалобами на тяжелую долю, а также с плотным ужином в финале ради снятия стресса. И все это в гордом одиночестве...

Пока она мысленно рисовала эту мрачную перспективу, Армандо по-английски изложил Амбер суть дела. Та понимающе кивнула и обратилась к Насте:

– Есть предложение.

– Какое еще предложение?

– Ты и я. Без Армандо, без такси, без охраны.

– Хм.

– Я знаю, где купить хорошие вещи. Хорошее платье. Тебе ведь нужно будет одеться на прием, да?

– Прием?

– В следующую пятницу король Утер делает прием. Ты должна там быть, и ты должна быть в платье.

Прием. Торжественный прием. «Мы с тобой должны были встретиться в пятницу вечером на торжественном приеме», – сказал ей Утер во дворце. Настя вспомнила те фотографии, что показывал ей Смайли в самолете, представила себя внутри этой красочной блистательной жизни. Ничего подобного в ее жизни никогда не было, но кто сказал, что

ничего подобного в ее жизни не будет?

– Ох, – сказала Настя, глядя на Амбер и видя вместо нее освещенные залы королевского дворца, заполненные прекрасными, великолепно одетыми людьми; видя среди них себя, столь же прекрасную, как и они, столь же счастливую, как и они... – Ох, – только и сказала Настя.

5

Четыре часа и одиннадцать магазинов спустя обессиленная Настя рухнула на бархатные подушки кофейни «Шехерезада». Хозяин заведения знал, кто его гости, поэтому провел Настю и Амбер в дальний зал и задернул занавески, дабы никто не беспокоил девушек.

– Ты довольна? – спросила Амбер, имея в виду покупки.

– Я в раю, – устало проговорила Настя, откидываясь на спину. – Я знала, что красота требует жертв, но чтобы таких... По-моему, я разорила твоего отца и все Лионейское государство. Разве нет?

– Что? – не поняла этой скороговорки Амбер.

– Деньги. Я потратила...

– Забудь, – сказала Амбер. – Не думай о деньгах. Ты гость.

– Я гость, – повторила Настя, стараясь не просто улыбнуться, а счастливо улыбнуться. Наверное, у нее не очень по-

лучалось, потому что одновременно Настя вспоминала слова Смайли: «Королевская семья хочет зафиксировать ваши отношения. По крайней мере, король хочет». Это значило, что какие-то другие члены королевской семьи не очень хотят фиксировать отношения Насти и Дениса. Поскольку на сегодняшний день Настя знала всего двух лионейских Андерсонов – Утера и Амбер, – получалось, что Амбер и есть те «другие члены королевской семьи». Они, то есть она хочет, чтобы Настя была просто гостем в Лионее, и никем больше. «Да ради бога, – хотелось сказать Насте. – Я к вам в родственники не набивалась. Гостья так гостья. По крайней мере, о деньгах мне разрешили не думать, значит, не будем о них думать. И вообще, сдались мне эти зафиксированные отношения... Может быть, я сама их не хочу. А чего я хочу? Я сама не знаю, чего я хочу. Хотя нет, одно я знаю наверняка – я безумно хочу снять сапоги и пошевелить пальцами ног. И все? Нет, не все. Чего-нибудь сладкого. И еще – вернуться в «Оверлук», еще раз примерить то платье, и чтобы Армандо его увидел...»

Армандо. Вот, кстати, еще одна проблема – без пяти минут невеста Дениса Андерсона почему-то совершенно не хотела думать о Денисе, который, на минуточку, в это самое время подвергался жуткой опасности, висел на волоске и все такое прочее. Но про Дениса не думалось, думалось про кого угодно, хоть про того же Армандо. Это было очень неправильно, и где-то в глубине души Насте было немного стыдно.

Но только в глубине души.

Хозяин кофейни, похожий на джинна из арабских сказок – огромный, лысый, с горбатым носом и кривыми страшными зубами, – лично принес кофе, что-то почтительно проговорил, обращаясь к Амбер, и, пятясь, вышел за занавеску.

– Ну, – сказала Амбер, вдыхая аромат. – Теперь расскажи мне.

– Расскажи – что?

– Расскажи про него. Как он?

Вопрос с неожиданной меткостью поразил ту самую глубину души, и Настя ощутила себя в ловушке.

– Про него? Про Дениса? – растерянно переспросила она.

– Про Дениса? – в свою очередь удивилась Амбер. – Нет, про Дениса неинтересно. Про Иннокентия интересно. Про Ка-Ши, Кашея, Вечного узника.

– А что можно рассказать про Иннокентия? – еще более растерялась Настя. – И почему тебе неинтересно про Дениса? Он же твой...

– Брат, я знаю, – сказала Амбер. – Неинтересно, потому что ты его видела давно. Полгода прошло. Что ты можешь рассказать? Неинтересно, потому что я его и так знаю. Неинтересно, потому что он сам виноват. У него не было ответственности. Он не думал об отце, о Лионее.

– Может быть, он думал, – предположила Настя. Слова Амбер звучали как-то уж слишком жестко по отношению к родному брату. – Думал, но как-то по-другому...

– Не надо думать по-другому. Надо думать правильно. Надо было думать о себе как о наследнике престола. В Протоколе записано... – Тут она спохватилась, словно вдруг вспомнила, что находится не на заседании трибунала по поводу преступлений Дениса, а всего лишь в кофейне, а рядом – не Большой Совет, а всего лишь Настя. Всего лишь гостя. Без перспектив обретения официального статуса.

Амбер задумчиво повертела в пальцах кусочек сахара и осторожно погрузила его в чашку.

– Впрочем, я надеюсь, что все будет хорошо, – сказала она с улыбкой. – Все будет хорошо с Денисом. Ведь ты скучаешь по нему?

– Да, – сказала Настя, разглядывая вышитый золотом узор на подушках. – Скучаю.

На самом деле она не скучала и не могла скучать по Денису, потому что попросту не помнила его. Большинство связанных с Денисом воспоминаний сожрал запущенный под кожу Насти червяк-беспамятник, а те, что остались, были похожи на фотографии, но не на такие, как у Смайли – яркие, глянцевые, – а старые, выцветшие снимки в царапинах и пятнах. Фотографии, на которых иногда неразличимы лица и выражения этих лиц. Она помнила, что в жизни у нее был такой Денис Андерсон, но помнился он именно как факт биографии, и уже много недель Настя не могла воскресить Дениса как живой образ, не могла вспомнить, что же именно в этом человеке заставляло ее сердце замирать, а губы рас-

плываться в дурацкой влюбленной улыбке.

Тем не менее она сказала:

– Скучаю.

И застыла, глядя на черный круг кофе в своей чашке и думая о том, как быстро глянцевая лионейская жизнь привела ее ко лжи, не к такой лжи, которую произносят ради спасения, а ко лжи необязательной, которую произносят ради... Ради того чтобы выглядеть лучше в глазах человека, которого ты едва знаешь? Который вряд ли когда-нибудь станет твоим другом?

Да, именно ради этого. Задай Насте такой вопрос Филипп Петрович месяц назад – она не стала бы врать, задай его Смайли десять дней назад – она не солгала бы. А теперь...

– ...ты быстро адаптировалась.

– Что? – встрепелась Настя.

– Я говорю – ты уже, наверное, адаптировалась. Здесь, в Лионее. Привыкла?

– Не совсем. Но я начинаю привыкать.

– Хорошо, – кивнула Амбер. – Ну так расскажи мне о нем.

– Об Иннокентии?

– Да. Он меня очень интересует.

– Интересует? Почему?

– Обаятельный мужчина. Нет, шучу, – Амбер широко улыбнулась, и Настя улыбнулась в ответ, не так широко и не так искренне. Хотя, возможно, проблемы с искренностью были не только у Насти, просто Амбер Андерсон с рождения

была частью глянцевого лионейской жизни, и ее навыкам в искусстве лицемерия можно было позавидовать.

– Шучу, – сказала Амбер. – Он неплохо выглядит для своих лет, но – абсолютно не мой тип. Просто раньше этот Иннокентий был довольно опасен. Сейчас – кто знает? Вот мы и хотим разобраться.

– Разобраться?

– Решить, что с ним делать дальше.

– И поэтому вы держите его в отеле под домашним арестом.

– Вот именно – под домашним арестом. В отеле, не в тюрьме. Не в подвале. По-моему, ты нашла его именно в подвале?

– Да, – сказала Настя. Воспоминания о холодном подвале в особняке Михаила Гарджели, о том, что ее туда привело и что ее оттуда вывело, не относились к разделу приятных. Куда с большим удовольствием Настя бы рассказала, как летом после десятого класса ездила с подружкой на Азовское море, но эта история не имела отношения к судьбам человечества, а стало быть, не интересовала Амбер Андерсон.

И поэтому Насте снова пришлось спуститься в подвал особняка Гарджели, и, хотя на этот раз все происходило исключительно на словах, мурашки по спине бегали самые настоящие.

Начинать пришлось не с подвала, а все с того же злосчастного дня шестого сентября, когда Настя потеряла сначала Дениса Андерсона, а потом и себя. Благодаря некоторым медикаментам и червю-беспамятнику, в рассказ о событиях своей жизни с сентября прошлого года и до марта нынешнего Насте теперь приходилось постоянно вставлять слова «наверное» и «вроде бы»; как будто говорила она не о себе, а пересказывала события давно виденного и не слишком понравившегося фильма.

Чтобы все это звучало не совсем по-дурацки, Настя иногда добавляла «как считает Смайли» и «Смайли предполагает». Получалось, что если история и покажется слушателю бредом, то с претензиями нужно обращаться к Смайли, который как соавтор бреда несет за него положенную ответственность.

Настя начала с того, как поездка в загородный ресторан «Три сестры» внезапно превратилась в охоту на Горгон, а затем столь же внезапно – в охоту на Дениса и Настю. Продолжила описанием своей поездки к деловым партнерам Дениса, странным людям, чей офис располагался на заброшенном военном складе. Напомнила, что люди эти занимались скупкой довольно странных предметов, если отрубленную и

тем не менее живую голову Горгоны вообще можно назвать предметом. Затем была поездка на такси, после которой Настя очнулась в палате с зарешеченными окнами, под охраной малосимпатичных людей, которые довольно умело прикидывались правительственной спецслужбой.

– Смайли считает, что это была одна компания: те, кто сидел в армейском складе, и те, кто меня потом перехватил. Когда голова Горгоны убила людей на складе и те перестали отвечать на звонки, остальные «филиалы» (это слово Настя тоже позаимствовала у Смайли, и что бы оно ни значило в данном случае, но звучало солидно) этой Компании всполошились. Они решили, что на склад напали враги... Уж не знаю, какие у них могли быть враги, но, наверное, были. Когда занимаешься такими делами, у тебя должны быть враги.

– Какими – такими?

– Странными делами. Смайли думает, – немедленно уцепилась за спасительную формулировку Настя, – что они собирали коллекцию.

– Что?

– Коллекцию нечеловеческих трупов. Ну, не совсем трупов, то есть не целых трупов, а частей трупов. Что-то от вампира, что-то от Горгоны...

– Зачем кому-то собирать такую коллекцию?

– Э-э... Смайли...

Вообще-то, когда Настя задала шефу королевской службы безопасности похожий вопрос, Смайли сердито буркнул: «Я

иногда не могу понять, что происходит у гномов в голове, а уж разобраться с чокнутыми Homo Sapiens... Это выше моих сил».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.